

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ.

Статья вторая.

Вся повѣсть *Сорочинская Ярмарка* основана на сватовствѣ. Выше сказано уже, что *пáробокъ честнаго и хорошаго роду* (а, по моему объясненію, это одно и то же, что *зажиточный женихъ*), какимъ представленъ Гоголевъ фатъ въ понойкѣ, не рѣшится приволокнуться слишкомъ явно за дѣвушкой, увидя ее впервые отроду, какъ бы она ни была хороша собой. Гоголь, *не зная простонародной Украины*, живописалъ ея нравы и обычаи по образцамъ антинароднымъ, которые составляютъ предметъ насмѣшекъ въ простонародныхъ бесѣдахъ. Если угодно, я приведу здѣсь очень характеристическій случай. Въ одномъ изъ украинскихъ городовъ, дѣлающихъ скачки изъ XVII въ XIX вѣкъ, не имѣя на то никакихъ разумныхъ правъ, данъ былъ лакейскій балъ. Нѣкто, отличающійся большою наблюдательностью, отпустилъ на балъ своего слугу, только-что поступившаго въ высшее сословіе изъ сословія пахарей. Возвратясь домой, слуга, на вопросъ своего господина: что происходило на балу? отвѣчалъ слѣдующими словами: *Танчили крутька* ⁽¹⁾ *и такє неподобне робили, якъ и настолці пани. У дівчатъ—груди голи, а сзаду—вибачайте въ сімъ слові—якъ нічъ, и все те, мабуть, фалишиво надуто!*

⁽¹⁾ Т. е. вальсъ.

Видите какая бездна раздѣляетъ пахаря отъ пана и лакея, которые служили Гоголю прототипами въ изображеніи простонародной Украины? Не правда ли, что смѣшна рѣчь слуги-пахаря?.. Но мы вовсе смѣемся не тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣялся Гоголь, когда живописалъ извѣстнаго рода ночныя свиданія простонародья, когда изображалъ сватовство влюбленнаго паробка и когда—помните это?—заставилъ украинскаго рыцаря, полковника XVII вѣка, биться на кулакахъ съ возвратившимся изъ бурсы сыномъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Мы смѣемся тому, что образъ жизни пановъ названъ здѣсь *неподобнымъ*. Смѣшно и вмѣстѣ поразительно вѣрно: даже и *подобія* нѣтъ между людьми, брошенными на произволъ судьбы съ XVII вѣка, и между тѣми, которые ускакали на московской тройкѣ въ XIX вѣкъ! Подобіе между ними находилъ только незнавшій простонародной Украины Гоголь, вмѣстѣ съ своими близорукими книжниками—цѣнителями. Мы смѣемся тому, что дѣвчата горничныя подражаютъ здѣсь госпожамъ своимъ, которыя такимъ точно образомъ подражали нѣкогда иноземнымъ женщинамъ, притупившимъ тонкое цѣломудріе. Но сквозь этотъ смѣхъ видѣтъ намъ чистый, бѣдностью и отчужденіемъ сохраненный отъ псевдо-просвѣщенія, образъ женской граціи, которую эстетическіе Греки прозвали *стыдливою* и которая стыдлива до-сихъ-поръ въ украинскомъ простонародьи. Намъ смѣшна въ устахъ пахаря-слуги злѣйшая карриатура, отъ которой не отказался-бы и Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ*. Мы хохочемъ надъ комическимъ простодушіемъ необразованнаго мужичины, лишеннаго «*утонченнаго вкуса*», а между тѣмъ не можемъ не отдать справедливости его простому, природному, вкусу. Такой многозначительный, заставляющій призадуматься, смѣхъ началъ производить Гоголь, забравъ въ свой умъ «все тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ» и «сообразая все отъ мала до велика, ничего не пропустивши» ⁽¹⁾. Но въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, по его собственному признанію, его «подталкивала молодость, во время которой не приходять на умъ никакіе вопросы» ⁽²⁾ и которая для многихъ остается неизмѣннымъ состояніемъ. Этихъ-то многихъ, первыхъ произведеній Гоголя, которыя такъ горячо отстаивалъ критикъ

(1) «Сочин. и Письма Гоголя», т. III, стр. 343.

(2) Тамъ-же, стр. 300.

Русской Беседы, «заставили смѣяться такъ-же беззаботно и безотчетно, какъ и самого автора»; но «другихъ», которымъ, вмѣстѣ съ приближающеюся старостью, даются и ея преимущества, «приводили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости ⁽¹⁾!» Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: пахарь-слуга обнаружилъ гораздо больше условій украинскаго юмора, нежели великій писатель, непрigотовленный къ своему дѣлу жизнию, — нежели гений, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностію.

Я дѣлаю это сближеніе не для шутки. Слова паробка—слуги о фальшивыхъ прелестяхъ городскихъ красавицъ характеризуютъ вкусъ каждаго паробка, а въ томъ числѣ и Голопу́пенкова сына, какъ-бы ни было смѣшно данное ему авторомъ имя. Вообще нашъ поселянинъ ничего не любитъ фальшиваго; чувство это лежитъ не только въ основаніи его быта, но и въ основаніи самой его природы, создающей и возсоздающей безпрестанно этотъ бытъ, несмотря на все извращающія его обстоятельства. Онъ до-того не любитъ называть вещи несоотвѣтствующими имъ именами, до-того противна ему фальшивая оцѣнка чего-бы то ни было, что даже, взявшись за торговлю, онъ не запрашиваетъ лишней цѣны своему товару. Не угодно ли прочесть у И. С. Аксакова, въ его изслѣдованіяхъ украинскихъ ярмарокъ, слѣдующее мѣсто: «Другое существенное различіе между великорусскимъ и малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли.... Малороссіянинъ почти никогда не торгуется, а держится, при продажѣ, одной определенной цѣны, которая, разу-мѣется, условливается торговыми обстоятельствами, но большею частью назначается съ честною умѣренностію. Мы нарочно наблюдали простыхъ Малороссіянъ и Великорусскихъ торговцевъ на ярмарочныхъ рынкахъ. Что стоитъ вещь? напримѣръ, гусь? спрашиваете вы.—«Тридцать шаговъ» (грошей), отвѣчаетъ вамъ, сидя, Малороссіянинъ.—«Вотъ тебѣ гривенникъ» (5-ю коп. ср. дешевле), говорите вы, по русской привычкѣ торговаться.... «И то грѣши (т. е. деньги), отвѣчаетъ флегматически Малороссіянинъ, и отворачивается въ сторону. Напротивъ того, великорусскій торговецъ тотчасъ распознаетъ своего покупателя, по платью, по рѣчи, по приему, мигомъ смекнетъ, должно-ли сдѣлать ему «уваженіе», т. е. уступить, или стянуть съ него вдвое болѣе настоящей цѣны» и проч. ⁽²⁾

⁽¹⁾ Тамъ-же, далѣе.

⁽²⁾ *Русская Беседа*, 1838 года, кн. II, отд. наукъ, стр. 101.

Послѣ этого не трудно понять, какъ остороженъ, какъ щекотливъ долженъ быть нашъ простой пахарь, чумакъ, или, выражаясь по-великорусски, вообще простой *хохолъ*, относительно фальши въ товарѣ, который онъ продаетъ. Если-же онъ не любитъ продавать фальшиваго, то судите, можетъ ли онъ, безъ строгой разборчивости, приобрѣтать фальшивое, а тѣмъ болѣе, когда это приобрѣтеніе называется: *невѣста*! Паробокъ встрѣтилъ дѣвушку, о которой невольно воскликнулъ: «ай, да дівчина!» — этого еще слишкомъ для него мало. Онъ знаетъ, что въ городахъ еще больше красавиць, нежели въ селахъ; но, можетъ-быть, другіе не знаютъ, что ни на одной изъ нихъ онъ не согласился-бы жениться, несмотря ни на богатство, ни на чтò, — и это не отъ чего иного, какъ отъ одного опасенія фальши. Заѣзжіи корнети, продувной помѣщикъ, купчина, воздыхающій о капиталцѣ, могутъ, воскликнувъ: «ай да дѣвушка!» черезъ часъ приступить къ сватовству; но Голошупенковъ сынъ, какъ бы онъ ни былъ смѣшонъ въ глазахъ автора, объ этомъ и не подумаетъ.

Можетъ быть, не одинъ изъ моихъ читателей слышалъ разеказы о вечерницахъ, — не о тѣхъ, которыя совершаются подъ балалайку и которыя авторъ *Вечерозъ на Хуторъ* могъ видѣть на барской кухнѣ, а о настоящихъ украинскихъ хуторскихъ вечерницахъ. Это — сходки молодыхъ людей обоихъ половъ, у одной изъ сосѣдокъ; вовсе не въ домѣ зажиточнаго пасичника, къ которому ѣздить въ гости горожане, а непременно у какой нибудь одинокой вдовы, у которой нѣтъ дѣтей и въ хатѣ просторно. Собираются на вечерницы какъ-будто для работы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы, вдали отъ надзора женатыхъ, наговориться и послушаться рѣчей, которыя не приходятъ на языкъ среди степеннаго люду, озабоченнаго дѣлами и хозяйствомъ. Тутъ-то душа у каждой дѣвушки на-распашку; тутъ-то льются поэтическія пѣсни; тутъ-то ея богатства сіяютъ въ живыхъ рѣчахъ, нестѣсенныхъ предержащею домашнею властью; тутъ-то обнаруживается вся та *природная грація*, весь тотъ *художественный складъ мыслей*, вся та, *доведенная до-нельзя, утонченность въ области чувства*, которыя И. С. Аксаковъ, во время своихъ разъѣздовъ по Украинѣ, находилъ, безъ различія сословій, въ украинскихъ женщинахъ ('). И вотъ гдѣ наши па-

(') Тамъ-же, стр. 98—99.

робки—пахари выбираютъ себѣ невѣсть, или — лучше сказать — возлюбленныхъ. Это *лучше сказать* прибавлено мною потому, что наши паробки очень долго не женятся, очень долго живутъ одной близкой дружкой съ *козаною дівчиною*, и наконецъ удостовѣрясь, *що вона любить вірно и що нема й на всему свиті такої щирої души*, рѣшаются сдѣлать такъ, чтобъ ихъ не разлучили ни отецъ, ни мать, ни чужая сторона ⁽¹⁾, подъ которою разумѣется разлука для чумацкаго промысла и заработковъ, а прежде разумѣлись военные походы. Если-же случится такъ, какъ поется въ пѣснѣ:

Полюбила козаченька, не спитала й відки,

или такъ, какъ случилось у Квитки между Василемъ и Марусею, или такъ, какъ случилось у Макаровскаго въ его поэмѣ: *Наталя* ⁽²⁾:

Вінъ ні мови, я ні слова, тіло затряслось, —

Сталось лихо, и на віки въ сѣрденько впилось;

тогда паробокъ поступаетъ такимъ образомъ, какъ поступалъ Василь, который подробно развѣдалъ о Марусѣ: кто она? каковъ ея родъ? каковъ ея отецъ? какова ея мать? какихъ она нравовъ? каковъ ея обычай? и прочая, и прочая, и потомъ уже искалъ симаго благовиднаго предлога, что называется, *занять* ее, да не такъ занять, чтобъ тотчасъ влѣзши поцѣлуй среди народа, какъ у Гоголя, а съ полнымъ уваженіемъ къ женщинѣ, въ которой онъ видѣлъ не что нибудь *клубничное*, какъ выразился бы, можетъ быть, Гоголь, а будущую жену свою. Или-же такъ поступаетъ въ этакое любовное казусѣ паробокъ, какъ у Макаровскаго поступилъ Опанасъ Левенецъ, не имѣющій никакой надобности для своего прозвища въ смѣшномъ сочетаніи такихъ словъ, какъ *пунъ*, *пузо*, *рѣпачъ* и тому подобныхъ, очень понравившихся у Гоголя любителямъ живописи народныхъ нравовъ.

(1) Перифразировка слѣдующихъ словъ народной пѣсни:

Ой поможи, Боже, намъ на рушничку стати!
Тогді не разлучить ні отецъ, ни мати,
Ні чужая чужина,
Коли судилася дружина.

(2) См. *Южный Русский Сборникъ*, изданный Амвросіемъ Метлинскимъ.

Онъ, въ качествѣ чумака, пробѣждалъ черезъ село, въ которомъ жила вдова съ дочкой-красавицей. Пригнавши къ сельскому водопое поить своихъ воловъ, онъ встрѣтилъ Наталю, которая раннимъ утромъ возвращалась отъ рѣчки съ полными ведрами. Чумакъ тоже былъ пораженъ красотою дѣвушки, какъ и Гоголевъ Голоуѣнко; но, какъ онъ былъ сынъ честныхъ родителей — пахарей, а не былъ взятъ съ толкучаго рынка и наряженъ, для повѣсти, въ украинскую свитку, то и не вскричалъ: «ай да дѣвушка!» по—солдатеки. Онъ попросилъ позволенія напиться изъ ведра, и только послѣ этого пристально взглянулъ на красавицу. Тутъ—то совершилось обоюдное очарованіе выраженное выше въ двухъ стихахъ. Но Опанасъ не сказалъ ни слова красавицѣ. Все, что онъ сдѣлалъ, по внушенію украинской народной влюбчивости, было—освѣдомленіе въ селѣ (и то, безъ сомнѣнія, очень деликатное), кто такая эта красавица? Воротясь домой и услышавъ, что отецъ и мать, въ бесѣдѣ съ пріятелями, высказали готовность принять, въ свой богатый домъ, даже самую бѣдную дѣвушку,

Абі добра́я, покірна й сорому́ боя́лась
Да Пана́сові душе́ю й се́рцемъ сподо́балась, —

онъ началъ помышлять о сватовствѣ. Но для него мало забранныхъ мимоходомъ справокъ: онъ посылаетъ *на розвідки* родственника, человека бывалаго и расторопнаго, и, между прочимъ, говоритъ ему:

Роспита́йся: дівка, ка́жуть, до́ня удові́ці...

Прошу обратить вниманіе на подозрительность украинскаго искаателя невѣсты. Одно уже то, что въ семьѣ нѣтъ отца, главы и блюстителя правъ, наводитъ его на сомнѣніе; ибо дочь отцовская, или по—нашему *отецька дитина*, была—бы болѣе надежной женою, была-бы наименѣе фальшивымъ товаромъ въ этого рода приобрѣтеніи. Но, такъ какъ украинецъ ни въ чемъ не держится безсмысленно одной формы, то Опанасъ говоритъ своему послу далѣе:

Хай и такъ. Якъ-же у се́рці ві́ру й Бо́га ма́е
И худо́ї за собо́ю сла́воньки не зна́е,
То я ві́кину, да й шви́дко, молодё́чку шу́ку:
Дамъ їй се́рденько за се́рце, ру́ченьку за ру́ку!

Прошу позволенія остановиться на этихъ стихахъ. Въ чемъ тутъ

заключается *молодецкая штука*? Въ томъ, что *закиточный* паробокъ долженъ жениться на *закиточной* дѣвушкѣ, если слѣдовать обычаю слѣпо; ибо, какъ я уже объяснялъ, зажиточность и достоинство поведенія каждой семьи, въ простомъ пахарскомъ быту, неразлучны. У меня могутъ спросить: почему-же дочь вдовы предполагается незажиточною? Отвѣчаю: дочь вдовы—дворянки, дочь вдовы—мѣщанки, дочь вдовы—горожанки, вообще—не должна, во мнѣніи паробка—предполагаться незажиточною потому только, что у ней нѣтъ отца. Но Опанась и авторъ смотрять на вещи практическимъ взглядомъ челоуѣка, очень близко знающаго условія пахарской сельской жизни. Здѣсь капиталовъ и текущихъ безъ труда доходовъ нѣтъ. Здѣсь трудъ награждается самою природою, и притомъ на столько, на сколько нужно для извѣстнаго времени, можно—сказать—для одного сезона. Когда хозяинъ обезпечить свое существованіе до весны и когда у него есть рогатый скотъ для весенней запашки, то онъ считаетъ себя и сливетъ во мнѣніи другихъ богатымъ. Онъ до такой степени удовлетворяется тѣмъ, что для него необходимо, что никакая плата за новый, необычный для него трудъ—для него вовсе не соблазнительна. Ему не нужно ничего собирать и копить впрокъ. Онъ, по евангельскимъ словамъ, не печется объ утрѣ, ибо утрѣй самъ о немъ печется. Онъ знаетъ, что послѣ зимы настанетъ лѣто со всей своей благодатью, и спокойно ѣсть свой домашній кусокъ хлѣба, не помышляя о болѣе лакомомъ.

Само собою разумѣется, что я говорю о большинствѣ; ибо между пахарями есть люди очень запасливые, равно какъ есть и такіе, которые спустятъ на ярмаркахъ весь осенній сборъ и, по народной пословицѣ, *кладутъ зубы на полицю* до новаго урожая, а попросту—перебиваются кое-какъ. Вообразите же себѣ положеніе семьи пахари, когда выбываетъ изъ нея мужчина, на которомъ лежала главная часть полевыхъ работъ и домашняго управленія. Наймитъ-пахарь хорошъ только въ глазахъ хозяина. Вдова не въ состояніи держать его въ страхѣ Божіемъ и порядкѣ. На нивѣ онъ заспитъ, а волю попадутъ въ *спаши*, за который надобно отвѣчать пенею. Волось онъ не напасетъ всегда до сыта, не напоитъ во время, не предохранитъ отъ дождя, который дѣластъ подъ ярмомъ мучительныя прогоины: отъ этого скотъ зимою худаетъ, хвораетъ и мало по малу изводится. Естественно, что вдова, при всей твердости характера, должна наконецъ уступать силѣ вещей, должна лишиться собствен-

наго *п. луга воловъ*, отдать землю въ чужія руки и довольствоваться частью урожая, который весь принадлежалъ хозяину. Такъ и во всемъ другомъ. Вдову и сельская полиція обременяетъ излишнимъ постоемъ; у вдовы и огородъ опустошается безнаказанно солдатами и всякими бродягами; у вдовы некому и плетня поддерживать; у вдовы скорѣе, нежели въ иномъ дворѣ, и комора будетъ обокрадена, и проч., и проч. Подобныя явленія у сельскаго паробка-пахаря безпрестанно передъ глазами. Поэтому онъ и не можетъ съ понятіемъ о вдовѣ соединять понятіе о богатствѣ. И въ народныхъ пѣсняхъ вдова всегда изображается небогатою; напримѣръ:

Чи се тая вдовá живѣ, що на рѣжкú хáта?
Хорóбую дочкú мас, самá небогáта.

Упадокъ дома, изъ котораго выбылъ тотъ, къмъ все держится въ порядкѣ, очень хорошо изображенъ въ думѣ о козацкой жизни, въ которой постоянное отсутствіе хозяина соотвѣтствуетъ его смерти:

Знáти, знáти козáцьку хáту
Скрíзь десáту:
Вонá солóмою не покрíта,
Прíспою не осíпана,
Коло двора́ нечíста ма и кола́,
На дрíвiтнi дровъ нi полiна, —
Седíть въ нiй козáцька жiнка — околiла.
Знáти, знáти козáцьку жiнку,
Що всю зiму бóса хóдить,
Горшкóмъ воду нóсить,
Полóникомъ дiти напóувáе (!)

Эти стихи сами собой наводятъ насъ на другую сторону сомнѣнія сельскаго паробка въ томъ, чтобы дочь вдовы могла быть для него достойной женой и хозяйкой въ домѣ; ибо, при разстройствѣ хозяйства, мало-по-малу ослабѣваютъ въ хозяйкѣ привычки, въ которыхъ слѣдуетъ ей воспитывать дочь свою. Предположивъ вдову женщиною самою твердою въ нравахъ и обычаяхъ, все-таки надобно допустить, что хозяйство у ней не можетъ быть такъ полно, какъ въ домѣ, нелишенномъ главы своей; а при исчисленныхъ мною не-

¹⁾ *Записки о Южной Руси*, т. I, стр. 220.

благоприятныхъ обстоятельствахъ, случающихся сплошь да рядомъ, она лишается не только воловъ, но часто коровъ и овецъ, для которыхъ не въ силахъ запасать на зиму корму. Чаше всего вдова съ дочерью ограничиваются небольшимъ доходомъ съ пахатнаго поля и лѣтнимъ загономъ у богатаго землевладѣльца; остальное же время онѣ проводятъ въ домашнихъ рукодѣльяхъ: прядутъ, ткутъ, вышиваютъ. Когда въ пѣснѣ поется:

Чи се тая дівчинонька живѣ
Що хоробі ширіночки шіе?

то это непременно говорится о дочери вдовы, ибо *хозяйскимъ* дочерямъ бываетъ не до того, чтобы совершенствоваться въ сельскихъ изящныхъ искусствахъ. Суровый взглядъ главы семейства на жизнь и ея пужды всѣ пацки называетъ *пустошью*, и въ домахъ, полныхъ, какъ говорится, всякой благодати, мать съ дочерью занимаются только украдкой мерѣжками, шитыми рушниками, писанками передъ Великоднемъ, или же заказываютъ все это одинокимъ вдовамъ и ихъ дочерямъ, платя пшеничной мукой, горохомъ, а иногда и просто насущнымъ хлѣбомъ. Отъ этого выходитъ, что вдовины дочки вырастаютъ бѣлоручками, развиваются, какъ уединенныя лиліи и вознаграждаютъ недостатокъ богатства красотою, — неприневоливаемые къ полевымъ и надворнымъ работамъ, а, пожалуй, и поэтичностью души, которая не была подавлена непреклонною волею старшаго въ семействѣ и воспиталась въ дружескихъ бесѣдахъ и *порадахъ* съ пѣжною, горяющею, но зато свободною, матерью. Эти преимущества привлекаютъ къ нимъ вниманіе паробковъ-богачей и, такимъ образомъ, уравниваются блага жизни въ простомъ сельскомъ быту, украшаемомъ въ то же самое время поэзією, рождающеюся изъ лишений и страданій.

Но паробокъ-богачъ есть болѣе или менѣе представитель нравовъ, которыми весь его родъ дожилъ до его времени, не потерявъ своего кореннаго характера. Есть ли у него родители, или же онъ самъ дошелъ до того *пѣвнаго зрѣсту*, въ которомъ уже не поматнется на-сторону и не спустить съ рукъ *батьковщины*, все равно онъ — великій практикъ въ своей сферѣ дѣйствій, при всей поэтичности своей души, влекущей его къ тому, что насъ очаровываетъ въ женщинѣ. Развитому гражданственностію челоуѣку дается особенное, вполне для него ясное, уразумѣніе своего положенія въ жизни

и своей будущности. Неразвитому — дается, такъ сказать, инстинктивное пониманіе полезнаго и вреднаго для его быта, и это въ такой степени, что влюбленный козакъ готовъ умолять свою возлюбленную, чтобъ она напоила его травою забвенія:

Ой дай міні такé зілля, щобъ тебé забути!

Борьбою и колебаньемъ между поэтическими симпатіями и практической необходимостью — поступать по внушенію родителей и даже *роду* ⁽¹⁾ — наполнены народныя самыя изящныя пѣсни, — эта вѣчная, драгоценная книга жизни народной, въ которую любившія и страдавшія сердца вписали неизгладимыми словами свою исторію, въ науку и въ симпатичное наслажденіе отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ людей, съ поэтической всезнающею и всечувствующею душою ⁽²⁾.

Если-бы Гоголь, при своемъ, истинно-творческомъ, дарѣ, читалъ народныя пѣсни, какъ знатокъ простонародной Украины, — онѣ однѣ повели-бы его перо советѣмъ въ иную сторону, и тогда-бы сіяющія жизнью, хоть и слишкомъ яркія, картины природы въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, сочтавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили-бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ. Но Гоголь, изображая простую сельскую жизнь украинцевъ, былъ, по словамъ Полеваго, больше москаль и горожанинъ, нежели украинецъ, ознакомленный съ бытомъ своего народа, хотя въ то же время онъ былъ и поэтъ, да еще гениальный.

Смотрите однакожъ, въ какой зависимости находится природный гений отъ изученія предмета своей дѣятельности! Сибиракъ, вышедшій изъ лавочныхъ сидѣльцевъ въ литераторы, первый обличилъ гениальнаго поэта въ беззаконіи его творчества.

По-случаю появленія украинскихъ повѣстей Гоголя, нагромождена вавилонская башня сужденій; но народъ, безъ согласія и мимо вѣдома котораго строилось это чуждое его жизни зданіе высшихъ взглядовъ на жизнь и искусство, не сговариваясь между собой, протестовалъ противъ современныхъ властелиновъ знанія — или своимъ очень, очень медленно измѣняющимся бытомъ, или своею единодушною поэтическою

(1) Свѣтавъ-бы я дівчиноньку, такъ рідь не велить.

(2) Последнія слова покажутся странными тому, кто не помнитъ превосходнаго стиха Шевченка:

Тому, хто все знає, тому хто все чує...

рѣчью, или, наконецъ, устами своихъ вдохновенныхъ литературныхъ представителей, которыхъ повѣсти о немъ «живы, какъ сама жизнь, прекрасны и вѣрны, какъ сама правда.» Гоголь возвысился въ слѣдствіи до уразумѣнія художественнаго самообразованія. Онъ подъялся въ этомъ выше всѣхъ своихъ критиковъ. Въ немъ отъ природы такая заключена была сила истиннаго творчества, сила создавать изящное на долготѣнную жизнь въ потомствѣ, такой вѣрный инстинктъ генія, что онъ не былъ остановленъ въ саморазвитіи, въ стремленіи выйти на собственный свой путь даже и неумѣренными похвалами почти всей читающей Россіи, — опаснѣйшимъ изъ всѣхъ препятствій, какія только существуютъ для развитія великаго таланта. Ибо строгая школа предназначена въ жизни всякому истинному поэту, и величайшая требуется отъ него осторожность въ наслажденіяхъ благами, которыя люди обыкновенные могутъ вкушать безъ-оглядки. Гораздо спасительнѣе для поэта, если только онъ истинный поэтъ, быть встрѣченнымъ со стороны большинства цѣнителей такъ, какъ писалъ, по горькому опыту, Шевченко о своихъ первыхъ произведеніяхъ:

Знаю вашу славу:
Поглузуютъ, покепкуютъ,
Да й кинуть підъ лаву!

Не бойтесь, его не сломятъ порицанія, насмѣшки и даже совѣты великихъ авторитетовъ, часто очень опасные совѣты для поэта, явившагося не отсюда, откуда приходили другіе поэты, и не съ тою рѣчью, какою они бывали одарены. Сильные аргументы приводятъ эти судьи, справедливо уполномоченные въ своемъ кругу идей — судить объ искусствѣ и изрекать праведные законы искусства. Но, какъ всякій народъ живетъ по своимъ особеннымъ, часто неписаннымъ и въ книгу, законамъ, такъ и законы высокаго дара — потрясать сердца людскія — внушаются избраннымъ людямъ не отъ прославленного уже ареопага. Поэты это знаютъ, или, лучше сказать, чувствуютъ, и несмотря на то, что они иногда бывають не посвящены въ тайны книжной науки, «огни, а не слова» излетаютъ изъ ихъ устъ въ отвѣтъ на императивные совѣты записныхъ судей дѣла. Такъ, Шевченко, въ слѣдующихъ стихахъ, увѣковѣчилъ современные толки о немъ премудрыхъ міра сего:

Одъ козацтва, одъ гетьманства
Високі могили,

Більш нічого не осталося,
 Да й ті розривають,
 А він хоче, щоб слухали,
 Як старці співають!

Ему совѣтовали писать общепринятымъ въ російской имперіи языкомъ. Ему совѣтовали изображать жизнь, которая у всѣхъ въ виду, т. е. у всѣхъ цѣнителей и судей искусства. Ему очень добродушно внушали, что онъ погребетъ свой талантъ въ стихахъ, которыхъ никто не понимаетъ, и въ изображеніи явленій, которымъ никто не сочувствуетъ. Устами этихъ добродушныхъ людей говорила сама истина, но только горизонтъ ея былъ видимъ съ небольшой высоты. Поэтъ нашъ, озирая, съ своего подъоблачнаго полета, несоравненно обширнѣйшія, невѣдомыя другимъ, пространства, отвѣчалъ этимъ господамъ языкомъ демократа:

Правда, мѹдри!
 Спасібі за раду!
 Тѣпий кожѹхъ, тѣлько шкѹда —
 Не на мѣне шітій,
 А розѹмне вѹше слѹво
 Брехнѣю підбіте.

И потомъ, развернувъ, въ дикой прелести родныя свои степи съ кровавыми и блистательными ихъ воспоминаніями, и давъ почувствовать своими слезами неразрывную связь между необузданною энергією стараго времени и разумною энергією современнаго генія, онъ восклицаетъ:

Одъ-де моѣ добрѹ, грѹши,
 Одъ-де мой слѹва!
 А за раду спасібі вамъ —
 За раду лѹкаву.

Въ этихъ стихахъ каждый, кто понимаетъ дѣлю собственнымъ толкомъ, увидитъ тяжкую борьбу таланта за свое существованіе, за свою будущность и, главное, за идею, которую онъ долженъ возвести міру. Но Гоголь, борясь съ посыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ похвалами, совершилъ подвигъ еще болѣе высокій и назидательный. Исторія его жизни, собраніе его писемъ и при этомъ его сочиненія — это такія книги, которымъ не много равныхъ завѣщало

человѣчество будущимъ поколѣніямъ для уразумѣнія высокихъ психологическихъ, критическихъ и философскихъ истинъ.

Но возвратимся къ несчастнѣйшему изъ несчастнѣйшихъ Голопу-пенкову сыну, котораго уже одно имя дѣлаетъ смѣшнымъ въ глазахъ читателя, а непониманіе, какъ взяться за сватовство, просто — сра-мить во мнѣніи каждого мужика.

Мы видѣли, какъ зажиточные и, что все равно, порядочные па-робки поступаютъ въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, Опанасъ Ле-венецъ: этотъ посылаетъ своего дядька (но не дядьку) Хмару на *розвідини* въ то село, въ которомъ онъ полюбилъ случайно встрѣ-ченную дѣвушку, и дядько Хмара тотчасъ даетъ читателю понять, что не напрасно выбранъ для такого порученія. Онъ разсуждаетъ не по-гоголевски, а прямымъ толкомъ своего народа, — тѣмъ толкомъ, котораго авторъ украинскихъ повѣстей добился впоследствии, не-смотря на весь утаръ отъ журнальныхъ и нежурнальныхъ славословій. Онъ говоритъ молодому человѣку:

..... Чи тобі-жъ то талану не знати, —
Незнакому сиротину за хозяйку брати!
Мóже, цяця та по сѣламъ брóдить безъ свитіни,
По комóрі не ходила и коло скотіни.
А красá — плéвати на неі, якъ добра не має,
Коли плéчи и грудніцю рúбьемъ покривáе!

Дядько Хмара — большой прозаикъ; но его проза совпадаетъ съ народною поэзіею. Въ пѣсняхъ воспѣта жалкая участь невѣстки, взя-той изъ такого дома, въ которомъ она не привыкла вставать рано для надворной работы, нетерпящей отлагательства. Ее будить све-круха, жестоко упрекая въ былой ея бѣдности, положившей на ней печать свою, пестеримую для людей работающихъ:

Вставáй, невістко, часъ до череді гнáти!
Подій тій корóви, що одъ бáтька нагна́ла,
Попрогóнь овéчки, що роді́на здарова́ла.

Вотъ какимъ взглядомъ на вещи вооружаютъ старшіе молодыхъ людей, собирающихся жениться! Но часто молодость беретъ свое, и любящіеся приходятъ къ такому заключенію:

Зъ вели́кою худóбою — сёрденьку досáда,
А зъ лю́бою дру́жиною — о́ченькамъ одра́да.

Зъ великою худобою — бітись та сварітись,

А зъ любою дружиною — на світі нажітись.

Зъ великою худобою — горе міні буде,

А зъ любою дружиною — не стідно й межъ люде.

Это, однакожъ, происходитъ въ такомъ случаѣ, когда они очень хорошо другъ друга знаютъ и когда зависятъ сами отъ себя. Но, не зная дѣвушки, сельскій паробокъ не бросится на одну красоту и не рѣшится на сватовство, какъ у Гоголя. Дядько Хмара заѣхалъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, переночевать къ матери Наталіи, а на другой день завернулъ въ сельскій шинокъ для повѣрки своихъ наблюденій и привезъ небожу самыя удовлетворительныя извѣстія. Тогда только Опанасъ открылся въ своихъ чувствахъ родителямъ и просилъ ихъ благословенія.

Не извѣстно, были-ли родители у Гоголева паробка. Онъ рѣшился на сватовство скорѣе, нежели каждый изъ его земляковъ, невведенныхъ въ повѣсть, рѣшился на покупку коня, и заилъ съ будущимъ тестемъ, Солопиемъ, могоричь въ кабакъ у Жидовки. Въ Украинѣ эти вещи, можетъ быть, слишкомъ для кого нибудь прозаическія, дѣлаются иначе. Украинскій сельскій паробокъ обращается къ самымъ достойнымъ изъ своего сословія людямъ съ просьбою — быть посредниками между нимъ и домомъ невѣсты, и въ этомъ видѣнъ не только народный, скрытый во всякомъ обычаѣ, практическій разумъ, но и тонкое чувство приличія. Еслибы молодой человекъ обратился къ родителямъ своей возлюбленной непосредственно, этимъ-бы онъ поставилъ себя съ ними какъ-бы наравнѣ, этимъ-бы онъ всю отвѣтственность за судьбу ихъ дочери принималъ на себя, этимъ-бы онъ явился въ ихъ глазахъ собственнымъ представителемъ и самъ себя аттестовалъ-бы достойнымъ столь великой довѣренности. Но, посылая вмѣсто себя сватовъ, людей степенныхъ, имѣющихъ собственныхъ дѣтей, онъ этимъ самымъ свидѣтельствуетъ передъ родителями невѣсты, что недостойнъ заводить непосредственно съ ними рѣчи о такомъ важномъ предметѣ, въ которомъ онъ, по молодости своей, не можетъ еще быть судьей; въ лицѣ сватовъ онъ представляетъ имъ поручителей, на которыхъ, яко имѣющихъ собственныхъ дѣтей, могутъ они положиться относительно участи дочери; наконецъ — и это самое главное — рекомендація людей постороннихъ, извѣстныхъ трудолюбіемъ и добрыми нравами, тоже гораздо больше

должна значить въ глазахъ родителей невѣсты, нежели все, что могъ бы сказать имъ о себѣ женихъ, или внушить имъ своими поступками.

Поэтому—то, въ повѣсти Квитки *Маруся*, молодой паробокъ, будучи долго входя въ домъ къ Науму Брусу, будучи любимъ въ этомъ домѣ какъ семьянинъ, не осмѣлился заикнуться, въ простыхъ и задушевныхъ бесѣдахъ, о сватовствѣ. Это оскорбило-бы чувства хозяевъ: это показало-бы, что онъ считаетъ себя въ ихъ глазахъ слишкомъ важной особой, если смѣетъ заговаривать съ ними о такомъ предметѣ, о которомъ, по чувству народнаго украинскаго цѣломудрія, ни въ какомъ случаѣ не прилично говорить холостому человѣку съ отцомъ семейства. Это, кромѣ того, уронило-бы его, во мнѣніи хозяевъ, какъ паробка *незвычайнаго*, то есть незнающаго, какъ слѣдуетъ вести себя, выражаясь по-городеки, съ людьми порядочными. Ибо манера быть съ людьми, тонъ разговора, деликатность въ выборѣ словъ, умѣнье избѣгать въ бесѣдѣ щекотливыхъ предметовъ,—все это внушается доброму украинскому паробку самою природою, а также правами и понятіями народа, среди котораго онъ вырастаетъ. Поэтому-то, зная близко народъ нашъ, не по его худшимъ, облакеевымъ, или обкулаченнымъ, образцамъ, мы находимъ дикими въ повѣстяхъ Гоголя такія вещи, какъ вопросъ Хиври: не сломили-ли вы себѣ шею? Да и самъ паробокъ Квиткинъ смотрѣлъ на сватовство, какъ на религіозный обрядъ, и профанировалъ-бы его въ собственномъ чувствѣ, еслибы, сидя запросто съ отцомъ своею возлюбленной, сказалъ ему, какъ оный паробокъ Салонію: «Ну, Наумъ, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга, такъ—что хотѣли и на вѣки жить вмѣстѣ.»

Не знаю, какъ дѣлается у скитающихся Цыганъ, подъ ихъ «издранными шатрами»; но въ украинской хатѣ чувство приличія играетъ очень важную роль, что касается до деликатныхъ сердечныхъ струнъ, къ которымъ грубое прикосновеніе такъ нестерпимо для человѣка, развитаго общественностію. Посмотрите въ повѣсти Квитки, въ это совершеннѣйшее зеркало народныхъ нравовъ: не только Василь, въ бесѣдахъ съ стариками, не смѣлъ пикнуть о своемъ намѣреніи, но даже Маруся ни единымъ словомъ не выразила передъ матерью своихъ ожиданій. Этого мало: даже мать, желая отъ всего сердца видѣть Василя своимъ зятемъ, никогда не проговорила объ этомъ передъ дочерью.

Обращу вниманіе читателя, въ повѣсти Квитки, на тотъ моментъ,

когда Настя, мать Маруси, объявила, что идутъ старосты и когда старосты стучались подъ дверь. Читатель не предвидѣлъ отказа со стороны Наума Бруса; но, какъ для каждаго изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ это событіе было невыразимою тайною въ ожиданіяхъ, то въ повѣсти возбужденъ интересъ необыкновенный, и вся церемонія сватовства совершается въ такой торжественности, какъ будто это какое-то религиозное дѣйствіе, исполненное таинственнаго значенія. Видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности «всѣ мелочи, ничего не пропустивши!» Квитка не имѣлъ высшихъ теоретическихъ понятій объ искусствѣ; онъ писалъ свою повѣсть въ простотѣ сердца, изъ поэтической любви къ изображаемому имъ быту; онъ рассказывалъ, со всею полнотою милой ему народной рѣчи, о томъ, что узналъ самою жизнью своею, а не научнымъ наблюденіемъ; и потому его твореніе выходитъ «живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно какъ сама правда».

Взгляните еще, какъ торжественно дѣйствуютъ у Квитки сваты, какъ величава они держатъ себя. Они сознаютъ, что не для забавы своею взялись за это дѣло и что дѣло это касается счастья отживающей и другой, будущей, семьи. Таковы дѣйствительно бываютъ сваты. Слушая ихъ такъ называемыя *законныя рѣчи*, нельзя удержаться отъ улыбки; но это потому, что мы оставили этихъ людей съ XVII вѣка и воспитаны въ иныхъ нравахъ и обычаяхъ. И при всемъ томъ видишь въ нихъ членовъ общества, которымъ нельзя отказать въ уваженіи. Они дѣлаютъ честное дѣло; они дѣлаютъ дѣло честно. Будущему тестю давно извѣстны личность и достатокъ жениха. Они не падаютъ ему въ уши небылицъ, подобно обычнымъ московскимъ свахамъ. Они пышными метафорами объ охотящемся за кунницею князѣ рекомендуютъ жениха молодцомъ, достойнымъ того, чтобы такіе почтенные люди, какъ они, пришли съ «святымъ» хлѣбомъ въ такой почтенный домъ и произнесли, стоя, тѣ *законныя рѣчи*, которыя произносятся ихъ дѣдами, прадѣдами и далѣе — до отдаленнѣйшей старины.

Еслибы Гоголь зналъ демократическую Украину, какъ знаемъ ее «мы, преемники Гоголя въ самопознаніи,» то онъ не заставлялъ-бы конокрада Цыгана быть посредникомъ между Голопушенковымъ сыномъ и Солопиемъ, онъ содрогнулся бы за своего паробка, когда этотъ бродяга сказалъ ему: «мы заставимъ Черевіка отдать *намъ* Параску!»

его сердцу было бы больно, что свѣжая сельская красавица, убранная свѣжими, какъ она сама, цвѣтами и лентами, будетъ отдана жениху руками, запятнанными воровствомъ, а пожалуй и челоуѣкоубійствомъ. Самъ же онъ говорить: «Человѣкъ, взглянувшій на него (на Цыгана), уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ — висѣлица.» Но паробокъ, взглянувъ на Цыгана — не только не почувствовалъ къ нему естественнаго, въ его сельской простотѣ, отвращенія, напротивъ, тотчасъ заключилъ съ нимъ унижительную для себя сдѣлку, оскорбляющую чувство читателя. Это не украинскій паробокъ: это — петербургскій *мазурикъ* въ нашей честной украинской свитѣ, точно такъ какъ Хивря — не украинская баба, а московская горожанка, и притомъ самая распутная, самая грубая, грубая до-того, что не знаетъ даже различія между ласковымъ и грубымъ словомъ, точно такъ какъ и хата съ подмостками подъ потолкомъ, на которыхъ она спрятала поповича, — не украинская хата, а московская изба съ московскими полатями. Надобно думать, что Гоголь видалъ только снаружи хаты украинскихъ поселянъ, иначе — онъ зналъ бы, что доведенная до-нельзя въ нашемъ народѣ брезгливость къ нечисто приготовленной пищѣ заставляетъ его содержать свои хаты въ необыкновенной чистотѣ, чему препятствовали бы въ значительной степени полати, такъ такъ въ полатяхъ заводятся неискореняемо тараканы и всякія иныя не очень пріятныя насѣкомыя. Украинская хата очень немногосложна, и потому очень чиста; всё въ ней на виду; нѣтъ въ ней темныхъ угловъ, въ которыхъ сосѣдскій или хозяйскій глазъ не замѣчаетъ нечистоты. Скорѣе снаружи запустить хозяйка стѣны, въ рабочее время, но внутри она не можетъ сносить на стѣнѣ никакого пятна. Вообразите, какъ бы ее мучилъ видъ почернѣлыхъ и закопченныхъ полатей подъ потолкомъ, который у ней содержится въ такой же опрятности, какъ и столъ! Она каждый день стелетъ на чистыхъ подмосткахъ у стѣны постель, и каждый день сворачиваетъ ее и убираетъ къ мѣсту, оставляя подмостки, называемыя *поломъ*, для сидѣнья за работой и для дѣтей. Съ полатей постель сволакивать трудно; лазить на полати для приготовления постели еще труднѣе. Она должна тамъ оставаться нерушимо какъ въ берлогѣ. Словомъ, видъ полатей непріятно поражаетъ украинца въ великорусской избѣ, и не поразили только Гоголя, такъ какъ онъ былъ, по воспитанію, больше москаль и горожанинъ, а простонародный бытъ

украинскій изображалъ только по распросамъ и по соображенію, котораго, какъ видимъ теперь и какъ увидимъ далѣе, у него часто не хватало на изображеніе самыхъ простыхъ и общезвѣстныхъ предметовъ.

Чтобы понять, какъ благоговѣтъ простой поселянинъ нашъ передъ сватовствомъ, вспомните у Квитки сцену, наступившую послѣ неожиданнаго отказа со стороны Наума Бруса. Торжественность обычая уступила на—время сильному волненію патетическаго момента. Но когда все приступили къ Науму съ просьбою — объяснить причину непостижимаго ни для кого отказа, авторъ, хорошо знавшій демократическую Украину, вдругъ возстановилъ все достоинство сватанья слѣдующимъ отвѣтомъ отца семейства: *Не той часъ: при такому важному ділі, якъ є сватанье, не можна всѣго говорити*. Повторяю опять мое замѣчаніе: видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности «все мелочи, ничего не пропустивши!» Гоголь зналъ за собой большіе промахи въ изображеніи того, надъ чѣмъ все смѣялись и надъ чѣмъ самъ онъ смѣялся также безпечно, какъ и читатели, но онъ смѣялся этакъ только до извѣстной поры, послѣ которой онъ, возвысаясь надъ самимъ собой, становился уже на точку зрѣнія тѣхъ, которые по его словамъ, «приходили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку уминому приходить въ голову такіа глупости!» Не даромъ написаны имъ эти слова въ томъ самомъ сочиненіи, въ которомъ онъ главнѣйшимъ условіемъ «полнаго воплощенія» своихъ дѣйствующихъ лицъ считалъ полное вѣдѣніе ихъ сферы дѣйствій и соображеніе всего, отъ мала до велика, безъ всякаго пропуска. Въ «Сорочинской Ярмаркѣ» нѣтъ ни одного воплощеннаго лица, потому что Гоголь, не зная простонародной Украины, придалъ своимъ поселянамъ рыночныя городскія свойства и побужденія, и лишилъ ихъ всей поэзіи народнаго быта, которой полны повѣсти непризнаннаго современною ему критикою Квитки, а этимъ самымъ лишилъ ихъ поэзіи правды, поэзіи дѣйствительности. Теперь, когда настали иныя требованія, указанныя самимъ же Гоголемъ въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, — надъ его украинскими повѣстями *пырхаютъ* только такіе люди, которые, въ познаніи Украины, не выше столичныхъ типографскихъ наборщиковъ, а защищаютъ ихъ отъ строгой этнографической критики одинъ только г. Макеймовичъ.

Какъ ничтожна сцена между двумя кумовьями, которыхъ освобо-

диль отъ узъ Голопушенко, и между имъ самимъ и Цыганомъ (словомъ—XII глава *Сорочинской Ярмарки*)! Не одно то составляетъ здѣсь ничтожество, что украинскіе нравы оцыганены, что малороссійскіе поселяне уничтожены. Авторъ могъ найти между поселянами такія же относительно низкія личности, какъ его чиновники и помѣщики въ первомъ томѣ *Мертвыхъ Душъ*, но надобно изображать и самый упадокъ нравовъ такъ, чтобы въ этомъ изображеніи была поззія дѣйствительности. У Квитки, въ повѣсти *Мертвецькій Великдень*, представленъ пьянчужка, котораго колотить жинка, который несправимъ въ своей беззаботности и пристрастіи къ пьянству. Этотъ типъ очень распространенъ въ Украинѣ ⁽¹⁾ и вошелъ даже въ пѣсенность:

Біла жінка мужика, пішла позивати.

Національное чувство наше ни мало не оскорбляется изображеніемъ Квитки; ибо это—мы, въ нашемъ упадкѣ; это порокъ нашъ; этотъ выставленный великимъ писателемъ на вѣчный позоръ украинецъ—дрянецъ—*братъ нашъ*, недостойный членъ, но тѣмъ не менѣе членъ великаго нашего семейства, и какое бы большинство нашего простонародья ни подходило подъ Квиткинъ унижительный для нашей гордости типъ, мы отъ него не отречемся,—все равно какъ не отречемся отъ стиха Шевченка:

А наша правда п'яна спить!

Но отъ Гоголевыхъ украинцевъ, влюбляющихся по-солдатски и сватающихся по-цыгански, отъ Гоголевыхъ рыцарей—полковниковъ, которые позволяютъ себя тузить бурсаку сыну «такъ, что хоть бы и не пробовать ⁽²⁾», мы рѣшительно отрекаемся. Можетъ быть, и есть на свѣтѣ такая нація, которая назоветъ ихъ своими кровными тинами, но мы, всѣ тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоценное право называть себя украинцемъ, объявляемъ всѣмъ вообще, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевскихъ повѣстей—не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры или угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣй-

⁽¹⁾ О причинѣ мы не говоримъ, покаместъ.

⁽²⁾ См. начало «*Тараса Бульбы*».

ствуют не по-украински, и что поэтому, при всем уважении нашем къ таланту Гоголя, мы признать ихъ земляками не можемъ. Есть у Гоголя прекрасныя страницы объ Украинѣ, возстановляющія значеніе нашей націи въ глазахъ нашихъ соплеменниковъ. Есть у Гоголя художественныя изображенія человѣческаго ничтожества въ образѣ украинцевъ, изображенія, которыя мы сами готовы выставять «на всенародныя очи», да возгнушается каждый тѣмъ, что унижаетъ насъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но того, что даже и могло бы льстить народному нашему самолюбію, но что взято не изъ нашей жизни, мы признать художественно вѣрнымъ дѣйствительности не можемъ.

Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонароднаго быта, повредило именно незнаніе простонародной Украины, именно то, что онъ не понималъ, какъ смотреть самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили, въ своихъ правахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и ученой точки зрѣнія, безъ пособія народовѣдѣнія. Онъ не подозрѣвалъ, что мужикъ, занесенный пахарскою или чумацкою пылью, мужикъ, валяющійся *по-підъ тинню*, какъ наша пьяная правда въ стихахъ Шевченка, мужикъ въ одеждѣ невѣжества и непониманія даже азбуки нашихъ книжныхъ знаній, есть не что иное, какъ старосвѣтскій кладъ, зачатый тѣмъ, кто положилъ его, на многіе годы, чтобы не дался онъ въ руки тому, кто не въ состояніи сдѣлать изъ него должнаго употребленія.

Всякъ изъ насъ болѣе или менѣе знакомъ съ глупыми бабьими запечными *байками* о кладахъ. Одни клады навалены камнями немѣрной тяжести, и эти камни можно сдвинуть съ мѣста только двѣнадцатью черными волами отъ одной коровы. Другіе скрыты въ землѣ, подъ нашими ногами, но чтобы ихъ увидѣть, надобно провести въ бдѣніи Иванову ночь и не продремать того мгновенія, въ которое цвѣтетъ папоротникъ. Третьи являются ослѣпленнымъ гордынею нашимъ глазамъ въ видѣ невзрачнаго, заслоненнаго и—извините—сопливаго старичка, отъ котораго все отворачиваются, не подозрѣвая, что этотъ гадкій старикашка — ходячій кладъ. Но бывали примѣры высокой поэтичности душевной, которая, высшимъ, святымъ взглядомъ на жизнь, уразумѣвала простую, очень простую истину: что

этотъ отверженный всѣми дряхлый старецъ—братъ нашъ. Народъ сохранилъ о такихъ примѣрахъ воспоминаніе, или лучше сказать—передалъ намъ глубокое свое убѣжденіе въ возможности чистаго, невиннаго добра на землѣ, — подѣ видомъ кроткой сельской сиротки, которая, приближась безъ отвращенія къ старичку, утирала ему *хусточкою* носъ,—и вдругъ старичокъ разсыпался *скарбомъ*!

Смотрите, при какихъ трудныхъ условіяхъ, послѣ какихъ тяжкихъ усилій, при какой трезвенности чувствъ и при какой святой любви къ ближнему *дается* наконецъ кладъ, скрытый отъ людей въ теченіе долгихъ лѣтъ, завѣщанный отдаленными предками отдаленнымъ потомкамъ и недоступный ни силѣ, ни мудрости тѣхъ, которые не въ надлежащее время захотѣли бы его открыть! Гоголь, при всей барскости своего дѣтскаго воспитанія, могъ такъ же, какъ и другіе, слышать глупыя бабьи запечныя байки о кладахъ. Гоголь, при всемъ отчужденіи своемъ отъ народа, при всемъ удаленіи отъ непосредственнаго его изученія, могъ быть и былъ наведенъ на мысль, что простой народъ нашъ—какой—то старосвѣтскій кладъ. Но Гоголь не прожилъ столько времени народною самобытною жизнью, чтобы дожидаться, на собственномъ хозяйствѣ, двѣнадцати черныхъ воловъ отъ одной коровы и сдвинуть съ клада камень непомѣрной тяжести. Гоголь, описавшій Иванову ночь по разсказамъ, лично не приносилъ жертвъ таинственному, поэтическому, убранному весенними цвѣтами, божеству сельской молодежи, чтобъ оно открыло ему, бодрствующему среди всеобщаго сна, то короткое мгновеніе, въ которое вспыхиваетъ и гаснетъ волшебный всеоткрывающій цвѣтъ папоротника. Гоголь, наконецъ, не бродилъ по селамъ въ такомъ видѣ и съ такой репутаціей въ народѣ, чтобы отъ него не скрывались робкіе, гонимые и вмѣстѣ презираемые, безсильные несчастливцы, и не сближался съ подобными ходячими скарбами до-того, чтобъ они разсыпались передъ нимъ всѣми своими душевными сокровищами.

Принадлежа однакожъ, по своей природѣ, къ тѣмъ избраннымъ вѣдателямъ тайнъ бытія, которыхъ нашъ поэтъ характеризовалъ стихомъ:

Тому, кто все знаетъ, тому, кто все чуетъ, —

Гоголь не могъ остановить народъ безъ вопроса о его старосвѣтскихъ сокровищахъ, и въ повѣстяхъ своихъ не разъ пробовалъ дѣлать съ предполагаемыми ходячими скарбами то, что и она сельская сиротка, но онъ дѣлалъ это не въ простотѣ сердца, онъ дѣ-

лалъ это съ-высока, по-барски, а иной разъ и такъ, какъ описано у Квитки въ его повѣсти: *Отъ тобі й Скарбъ!*

Поэтическая шутка Основьяненка, какъ все истинно поэтическое, вѣрное дѣйствительности, идетъ изъ рода въ родъ и имѣетъ много-различныя примѣненія. Нѣкій Хома Маслякъ слыхалъ, подобно многимъ поэтамъ, что въ народѣ являются иногда ходячіе скарбы, и выдумалъ обогатиться безъ всякой заслуги, безо всякаго на то права; но вмѣсто обогащенія попалъ только подъ отвѣтственность передъ обществомъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

«То прѣсючи, то плачучи, протурила ёго жінка обѣ Середохрѣстті на заробітки, чи не добувъ бы чого нкъ святу, щобъ було чимъ разговітись. Потягъ Хома до слободы верстовъ за сімъ, и йде, и все свое думаетъ: якъ бы то на скорбѣ наскочити, забрати ёго та тогді бъ и гадки не мати! Ажъ ось, дивитця—назустрічъ идѣ дідусь, старенькій, маленькій, горбатенькій, та ще зігнувъ одъ старости, такъ мовъ при самій землі. Шка ёму не вміта, волоссе роскудівчане, нісь не втертий, слина зъ рота такъ и бѣе, ажъ запінився, по всій бороді.

«Хома зъ радіщівъ самъ себе не тямить. Чувъ, щѣ и якъ у такому ділі робити; заразъ підбігъ до дідуся, втеръ ёму нісь, обітеръ ёму ріть,—нічого! Дідусь не розсипавсь, а тільки мугіче щѣсь такѣ та веселенько усміхавшись, знай ёму низесенько кланяетця.

«Хома думаетъ собі: «Чому сей скарбъ та не розсипаетця?... Эге! знаю!» Та зъ нимъ словомъ хряпъ дідуся по щоці! а той—бебѣхъ обѣ землю!... Эге, та й лежить цілісінкій, и скиглить, и плаче, и стогне, и нічого не говорить. Хома думавъ, що ще трѣхи ёго потовкмачивъ,—принявъ лежачого шкварити. Дідусь не розсипаетця, а Хома знай ёго бебѣхами годѣе....

— «А щѣ ти, чоловіче, робишь? За що ти нашого німого старца бьешъ?» обізвавъ до ёго чоловікъ изъ надзулісся, та й гукнувъ на товариство...»

Вотъ обращикъ того, какъ люди, чуждые народа и его чувствъ, допрашиваютъ народъ о его старосвѣтскихъ скарбахъ. Достается отъ нихъ иногда народу, какъ тому дідусю отъ Хома Масляка, и должны они, рано или поздно, отвѣчать передъ своимъ обществомъ, какъ и Хома Маслякъ передъ своимъ.

Никакой талантъ не можетъ загладить погрѣшностей противъ коренныхъ нравовъ и обычаевъ, сохраняющихъ изъ вѣка въ вѣкъ из-

вѣстную національность, и чѣмъ изобрѣтательнѣе, чѣмъ живѣе воображеніе незнакомаго съ простонародьемъ писателя, тѣмъ въ большія впадетъ онъ несообразности и противорѣчія дѣйствительности. Такъ Гоголь, выдумавъ, въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, невозможную интригу, лишилъ народный бытъ лучшихъ поэтическихъ цвѣтовъ его, оборвалъ эти цвѣты цыганскими руками, обратилъ сѣдаго отца невѣсты въ театральнаго пажа или въ ребенка, «забывающаго про все дѣла свои» оттого только, что увидѣлъ дочку, танцующую съ зеркаломъ въ рукѣхъ подъ собственную пѣсенку. «Когда онъ услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ—присядку» ⁽¹⁾ наединѣ съ дочерью! Такая сцена возможна на театральныхъ подмосткахъ; такая сцена возможна, можетъ быть, въ жизни городничаго, размечтавшагося вслухъ о генеральствѣ; но въ простомъ быту украинскаго пахаря она не возможна, она дика до такой степени, что сама дочь, передъ которой отецъ пустился бы выплясывать въ—присядку, убѣжала бы отъ него, какъ отъ сумасшедшаго. Этотъ вставочный случай самъ по себѣ испортилъ бы весь характеръ Солопця, какъ бы онъ ни былъ веденъ натурально отъ самаго начала повѣсти. Но въ *Сорочинской Ярмаркѣ* испортить ничего невозможно: она вся отъ начала до конца представляетъ самый краснорѣчивый аттестатъ, съ какимъ жалкимъ запасомъ знанія простонародной Украины уѣхалъ Гоголь, въ 1829 году, въ Петербургъ, откуда пріѣзжалъ къ матери мѣсяца на два, авторомъ «*Вечеровъ на Хуторѣ*,» а потомъ еще разъ, на короткое время, прославленнымъ авторомъ *Миргорода*.

Еслибы этнографія въ то время, какъ нынѣ, входила въ кругъ научныхъ знаній, дающихъ право на имя просвѣщеннаго человѣка, то голосъ Полеваго противъ «*Вечеровъ на Хуторѣ*» не вошлялъ бы въ пустынь: его бы поддерживали другіе критики. Еслибы, въ ту эпоху, Украина, въ области ученыхъ изслѣдованій и литературныхъ бесѣдъ, играла ту роль, какую играетъ въ наше время, то *Вечера на Хуторѣ* показались бы передовымъ умамъ дѣтскимъ опытомъ, и первенствующій поэтъ русскій не обратилъ бы вниманія на то, что надъ ними пыхаютъ наборщики въ типографіи.

Еслибы русское читающее общество было воспитано въ духѣ роднаго ему славянства до такой степени, чтобы читать свободно

(1) Стр. 37.

Квитку и Шевченка, какъ ближайшихъ ему всеславянскихъ поэтовъ, то въ этихъ совершеннѣйшихъ зеркалахъ народныхъ чувствъ, народныхъ нравовъ и обычаевъ, оно увидѣло бы вопіющія погрѣшности повѣстей Гоголя, и пожалѣло бы только, что столько воображенія потрачено на блестящіе призраки изъ несуществующаго въ дѣйствительности міра. Но читающее общество, неохраемое и невразумляемое критикою, бываетъ легковѣрно и легкомысленно до чрезвычайности. Оно въ литературѣ ищетъ забавы или, такъ-называемаго, легкаго чтенія, точно какъ-будто великіе таланты посылаются Богомъ ему на потѣху, а не въ науку, точно какъ-будто жизнь, которую они изображаютъ, какая-то игрушка, точно какъ-будто, неуразумѣвъ того вполнѣ, что было и есть въ этой жизни, можно сдѣлать хоть маленькій шагъ впередъ! Украинскія повѣсти Гоголя приняты были всѣми на-вѣру, потому что «въ его время невозможно было знать Украины больше, нежели *онъ* зналъ; мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшее и настоящее». Голосъ Полевого заглушенъ былъ повсемѣстнымъ хвалебнымъ жужжаньемъ и журнальными толками. Велѣдъ за *Миргородомъ* явился Квитка, подъ именемъ Основьяненка, съ своими повѣстями, точно художникъ-обличитель, и заставилъ плакать ту самую Украину, которая по-дѣтски хохотала, вмѣстѣ съ господствовавшими въ ней журналами, надъ позоромъ собственнаго простонародья. Велѣдъ за Квиткою явился Шевченко уже изъ среды того простонародья, надъ которымъ потѣшался Гоголь, — и тяжело повернулись многія сердца отъ его демократической, вмѣстѣ и суровой, и нѣжной, и саркастической, и грозной рѣчи. Но и тутъ Гоголь, подъ прикрытіемъ лавровъ, пожатыхъ на всероссійскомъ чиновничьемъ и дворянскомъ полѣ, остался, во мнѣніи публики, всё тѣмъ-же Гоголемъ, какимъ провозгласили его столичные первенствующие критики. Правда, кругъ читателей Квитки и Шевченка былъ очень малъ, такъ какъ они повели рѣчь о Гоголевой родинѣ языкомъ этой родины, извѣстнымъ въ столицахъ больше всего по такимъ словамъ, какъ *Довгочунъ*, *Свербиузь*, *Перерепенко* и тому подобнымъ, которыя Гоголь употреблялъ, въ повѣстяхъ своихъ, не стѣняясь, но которыя крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществѣ, понимающемъ смыслъ каждаго произносимаго въ немъ слова. Правда и то, что многіе изъ украинцевъ оскорблялись не на шутку украинскими повѣстями Го-

голя; но ихъ называли поклонники журнальной критики людьми отсталыми, и продолжали изучать простонародную Украину по Гоголю.

Извѣстно, что огромное большинство читающаго общества въ Украинѣ составляли помѣщики, которые не могли возвыситься надъ гоголевскою точкою воззрѣнія на предметъ, а любя наслажденія изящныя, увлекались картинностью его описаній природы и нѣкоторыхъ идеализированныхъ личностей, до которыхъ дойдетъ очередь въ нашей критикѣ. Естественно, что наука объ Украинѣ не могла двинуться такимъ повѣствователемъ, какъ Гоголь. Но, по своей поэтической натурѣ, онъ первый почувалъ, что въ области его живописи кроются великія сокровища для поэта, и не разъ подошелъ къ нимъ очень близко. Оставалось только сбросить съ глазъ повязку, наложенную на него первоначальнымъ воспитаніемъ, незнаніемъ народа и обществомъ, — сокровища были бы въ его рукахъ, и украинскія повѣсти Гоголя, въ этнографическомъ отношеніи, стали бы наравнѣ съ другими его повѣстями. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, общество обратило глаза въ ту сторону, въ которую онъ такъ долго смотрѣлъ. Украина явилась въ воображеніи великороссіянъ какимъ-то блистательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами эфирныхъ наѣкомыхъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, по которымъ прыщеть золото отъ ослѣпительныхъ ударовъ солнца, съ людьми веселыми, лѣнливыми и беззаботными до-того, что даже выдача дочери замужъ не въ состояніи ихъ озаботить, съ комизмомъ или юморомъ, для котораго нѣтъ никакихъ предѣловъ, съ нравами, для которыхъ нѣтъ ничего останавливающаго, съ исторіею, въ которой происходить великія событія по случайной затѣѣ безумца, колотящаго вокругъ себя все и позволяющаго колотить себя роднымъ сыновьямъ, съ воеводскими дочерьми, которыя забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню черезъ каминъ; съ чертями, которые переносятъ кузнецовъ къ императрицѣ во дворецъ, съ русалками на водѣ, переворачивающимися на спину передъ галопирующимъ по воздуху на вѣдьмѣ семинаристомъ, и со множествомъ истинно смѣшныхъ и истинно поэтическихъ сценъ, которыя обнаружили въ авторѣ самое блестящее литературное дарованіе, какое только являлось до тѣхъ поръ въ російской словесности. Это дарованіе само ручалось за вѣрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что украинскія повѣсти Гоголя не болѣе, какъ радужныя грезы поэта о родинѣ, что

это только отводъ нападавшаго на него унынія, очень естественнаго на сѣверѣ въ уроженцѣ Украины.

Уныніе это обыкновенно называютъ въ украинцахъ тоской по родинѣ. Оно больше всего губило козаковъ, работавшихъ Ладожскій каналъ по волѣ Петра Перваго, какъ это мы знаемъ изъ исторіи Ладожскаго канала, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Оно гнететъ почти каждого изъ насъ до сихъ поръ на сѣверѣ, вдали отъ нашей не столь пышной, какъ описано у Гоголя, но гораздо болѣе плѣнительной, природы, вдали отъ нашего не столь комическаго, какъ у Гоголя, но гораздо болѣе влекушаго къ себѣ народа. Оно заставляетъ нашего брата въ Петербургѣ или работать за десятерыхъ, или пустить въ ходъ то, что называется малороссійскимъ умишкой, или играть запоемъ въ карты и спустить съ рукъ всю *батьковщину*, а пожалуй и удесятерить ее. Гоголь, какъ уроженецъ Полтавской губерніи, да еще и великій природный талантъ, не могъ не чувствовать гнета этой особенной болѣзни. Онъ нашелъ отводъ ей въ своемъ богатомъ воображеніи и пустился писать «какъ попало, куда ни поведетъ перо», по собственному его признанію въ *Авторской Исповѣди* ⁽¹⁾, гдѣ читатель найдетъ слѣдующія слова: «На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому выйдетъ отъ этого какая польза ⁽²⁾.»

Само собою разумѣется, что Гоголь старался развлекать себя не однимъ смѣшнымъ: фантазія уносила его въ родныя степи, онъ живо писалъ впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, онъ олицетворялъ характеры, навѣянные ему родными пѣснями; но смѣхъ, въ его украинскихъ повѣстяхъ, преобладаетъ надъ всѣми иными чувствами и объясняетъ успѣхъ ихъ больше, нежели что-либо другое. Гоголь сознавалъ это самъ: «Я увидѣлъ», говоритъ онъ въ *Авторской Исповѣди*, «что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, за-

⁽¹⁾ См. «Соч. и П. Гоголя», т. III, стр. 316.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 300.

чѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно — и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго (1).»

Гоголь, какъ талантъ первоклассный, не могъ не понимать, или лучше сказать — не чувствовать, что одно смѣшное да смѣшное надоѣсть читателю, и поэтому онъ вездѣ, гдѣ представлялся ему удобный случай, бралъ ноту грустную (напр., въ окончаніи *Сорочинской Ярмарки*, или повѣсти о миргородскихъ помѣщикахъ), онъ вводилъ между смѣшнаго величавое или трогательное; но этимъ онъ, такъ сказать, только приправлялъ свою похлебку, какъ челоѣкъ со вкусомъ. Всего лучше читатель это увидитъ изъ первоначальнаго его намѣренія, касательно *Мертвыхъ Душъ*: «Я думалъ просто, что смѣшной проэктъ, исполненіемъ котораго занять Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создать сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными (2)».

Подобная пересышка трогательнаго съ смѣшнымъ довершила очарованіе, произведенное на умы читателей украинскими повѣстями Гоголя; а когда онъ выпробовалъ свое перо на Украинѣ, тѣмъ самымъ перомъ написалъ нѣсколько вещей изъ петербургской жизни съ безпощадною вѣрностію натурѣ, которая у него была передъ глазами, тогда исчезло и послѣднее сомнѣніе, что Украина не совсѣмъ похожа на его повѣсти.

Гоголь высказалъ однакожъ столько любви къ Украинѣ, сколько можетъ чувствовать поэтъ къ тому, что представляется ему въ поэтическомъ свѣтѣ. Онъ первый открылъ въ украинской старинѣ нѣчто величавое; онъ первый далъ характеру древняго козака широкіе размѣры; онъ первый заговорилъ о поэтической сторонѣ исчезнувшаго уже нашего прошедшаго. Онъ и въ настоящемъ быту поселянъ старался угадать изящныя черты нравовъ и обычаевъ, пробивающіеся сквозь грубую кору повседневности. Но все, что онъ ни изобразилъ подъ вліяніемъ оборотной стороны своего комическаго таланта, было помѣщено имъ въ какихъ-то неопредѣленныхъ сферахъ, было представлено безъ связи съ другими предшествовавшими и послѣдовавшими явленіями, не имѣло вокругъ себя этой мелочи, которая свидѣтель-

(1) Тамъ же, стр. 301.

(2) Тамъ же, стр. 302.

ствуешь, что взятое лице или явленіе дѣйствительно существовало въ такомъ видѣ и иначе существовать не могло. Въ его украинскихъ повѣстяхъ слышится тонъ пѣсень, которыя поэту, содержащему въ своей единицѣ нравственный образъ всего своего народа, открываютъ никому невѣдомыя тайны исчезнувшей жизни, но вообще читателю не расскажутъ ничего такъ, какъ рассказываетъ повѣсть: это уже дѣло вдохновеннаго пѣснями поэта. Онъ схватилъ чуткимъ слухомъ только поэтический тонъ пѣсень, набралъ изъ нихъ полныя горсти очаровательныхъ въ своей дикости ароматныхъ цвѣтовъ. Онъ поставилъ между читающимъ обществомъ и Украиною радужную ткань своего воображенія и заставилъ взглянуть на Украину иными глазами, заставилъ почувствовать въ этой странѣ и въ населяющемъ ее народѣ достоинства великія, дотогѣ неподозрѣваемые; но та же самая радужная ткань воображенія поэта не дала обществу ничего разсмотрѣть въ такой ясности и полнотѣ, въ какой является у него многое, если не все, въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, какъ я уже сказалъ, общество обратило глаза на Украину, и послѣ Гоголя началось многостороннее изслѣдованіе и опредѣленіе этой страны, которой онъ своими повѣстями не объяснилъ, и объяснить не могъ. Онъ самъ говоритъ, что «угадывать человѣка могъ только тогда, когда ему представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности ⁽¹⁾». Какимъ же образомъ могъ онъ угадать Тараса Бульбу, прочитавъ только Конискаго да Боплана? Какимъ образомъ могъ онъ угадать украинскаго простолюдина, зная украинскій простонародный бытъ въ такой степени, какую обнаружила передъ нами *Сорочинская Ярмарка*? Сколько онъ ни собиралъ, черезъ переписку по почтѣ, народныхъ пѣсень, сколько онъ ни спрашивалъ объ Украинѣ заѣзжихъ въ Петербургъ земляковъ, онъ не могъ достигнуть такого познанія простонародной Украины, чтобы, творя въ умѣ образъ изъ старины, или изъ настоящаго, не пропустить нѣсколько подробностей; а творческій талантъ его, по собственному его опредѣленію, былъ такого свойства, что «стоило ему нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе—и ложь у него выступала ярче, нежели у кого другаго» ⁽²⁾. Но она выступала только для такого изощреннаго кри-

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 308.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 309.

тического зрѣнія, какое онъ самъ имѣлъ, когда говорилъ, что «чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія къ своему юмору, когда находилъ, что все у него выходило натянута, насильственно, и даже то, надъ чѣмъ онъ смѣялся, становилось печально (1)».

Мы сами, незнакомые еще ни Квитки, ни Шевченка, встрѣтили съ восторгомъ «Вечера на Хуторѣ (2)». Мы, будучи дѣтьми, въ эпоху появленія въ свѣтъ повѣстей пасичнина Рудого Панька, бросили для него всѣ свои книги и даже *Библиотеку для Чтенія* съ ея первыми повѣстями (3). Мы выучили ихъ наизусть и потѣшались Гололупенками и Перерепенками отъ всей души, а отъ фантастическихъ и печальныхъ сценъ приходили въ восторгъ и умиленіе. Но, когда попали намъ въ руки повѣсти Квитки, мы такъ же выучили ихъ наизусть; когда забрело въ Украину московское изданіе *украинскихъ народныхъ пѣсень*, мы и его приняли съ восторгомъ и выучили наизусть; когда явились, наконецъ, *объясняющіе* Украину со многихъ сторонъ стихи Шевченка, печатные и непечатные, мы также и стихи Шевченка, всѣ, до послѣдняго слова, выучили наизусть. Пока происходили эти и другія, второстепенной важности, литературныя явленія, каждый изъ насъ сдѣлался человѣкомъ взрослымъ и началъ жить болѣе или менѣе независимымъ умомъ. И если самъ авторъ украинскихъ повѣстей могъ освободиться наконецъ отъ очарованія своего неосмысленнаго юмора и своей неопредѣленной фантазіи, до-того что находилъ свои поэтическія конценціи, несвязанныя тѣсно съ дѣйствительностію, натянутыми и насильственными, а то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся, становилось для него печальнымъ,—то что мудренаго, если люди, содержащіе въ умѣ въ тысячу разъ больше противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ выросшіе посреди своего народа, находятъ многія конценціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что прежде ихъ смѣшило?

Я помню, съ какимъ восторгомъ мы встрѣтили Солопія въ пре-

(1) Тамъ же, стр. 302.

(2) Говоря мы, я разумѣю здѣсь своихъ сверстниковъ, сходныхъ со мною во вкусахъ и стремленіяхъ, хотя бы они воспитывались и не вмѣстѣ со мною.

(3) *Библиотека для Чтенія* явилась позже *Вечеровъ на Хуторѣ*, но въ Украинѣ, въ нашемъ малокнижномъ затишьѣ, въ одно время съ ними.

лестной сценѣ размечтавшейся съ зеркальцемъ въ рукахъ, Параски. Мы находили его театральнѣй танецъ очень умѣстнымъ и очень естественнымъ. Но теперь, когда мы въ состояніи, на мѣсто выставленной Гоголемъ куклы на пружинахъ, вообразить живую натуру,—намъ танецъ Параски съ сѣдымъ отцомъ напоминаетъ святочные столичные балаганы, гдѣ крещеный людъ коверкаетъ себя на всѣ манеры, не справляясь съ эстетическими и натуральными чувствами. Теперь для насъ былъ бы естествененъ въ танцующей дѣвушкѣ крикъ ужаса при видѣ впавшаго въ безуміе отца, и неестественна плѣнительная сцена цвѣтущей молодости, насильственно сгармонизированной съ старостью, у которой, не говоря уже о семейныхъ отношеніяхъ, «другія хладныя заботы, другія строгія мечты.»

Во времена оны, мы отъ души раздѣляли радость Параски, которой, въ ярмарочной квартирѣ, объявили, что пришелъ женихъ—вести ее къ вѣнцу. Но теперь ея радость для насъ такъ же противна, какъ и движенія мертваго тѣла подъ вліяніемъ гальванизма. Для незнающихъ простонародной Украины, кажется очень простымъ дѣломъ взять за руку сельскую дѣвушку и повести къ вѣнцу. Для знающихъ—это былъ бы вопіющій фактъ нарушенія обычая, передъ которыми сельская невѣста благоговѣтъ, какъ язычникъ передъ своимъ кумиромъ.

Я уже не говорю о старшихъ; я уже не говорю о *родѣ*, который былъ бы оскорбленъ до глубины души подобнымъ событіемъ и не простилъ бы никогда своего *безчестья* обвинявшейся такимъ образомъ женщинѣ. Но сама невѣста, при всей своей молодости, не согласилась бы на вѣчанье безъ почетнаго конвоя своихъ сверстницъ—*дружокъ* и *свѣтилокъ*, безъ того конвоя, впереди котораго несутъ свадебный *мечъ* съ пылающею на его остріѣ свѣчкою, какъ эмблему свидѣтельствуемой передъ цѣлымъ міромъ вѣрной, пылающей до гроба, любви. Сама невѣста не пошла бы подъ вѣнецъ безъ *честного* корова, который печется, наканунѣ вѣчанья, съ такими торжественными, полуязыческими, очень древними пѣснями и разными изъ рода въ родъ неизмѣнными обрядами. Сама невѣста ужаснулась бы мысли — выдти въ церковь не изъ отцовскаго дома, а изъ этой чужой хаты съ московскими полатями, съ которыхъ наканунѣ упалъ подобравшійся къ ея мачихѣ поповичъ.

У Гоголя все это представлено очень юмористически; и кто же, поднявшійся на высоту критическаго воззрѣнія, не почувствуетъ не-

вольнаго отвращенія къ подобному юмору? Кому не покажется въ этой сценѣ печальнымъ то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся? Сама Хивря, кричащая: «Нѣтъ! нѣтъ! этого-то не будетъ!» является обличительницею автора, «незнавшего простонародной Украины и изображавшаго ее какъ баринъ, видящій въ мужикѣ одно смѣшное». Пара Цыганъ, держащихъ ее за руки, профанируютъ въ ея, вовсе не народномъ, типѣ весь народъ нашъ съ его священнѣйшими обычаями. Я скажу гораздо болѣе, если прибавлю, что подобнымъ образомъ поступали у насъ только нѣкоторые помѣщики, которые, вовсе не зная и не желая знать простонародной Украины, иногда среди жнивъ брали съ одной нивы паробка, а съ другой дѣвушку и заставляли ихъ быть мужемъ и женою, по экономическимъ и домашнимъ соображеніямъ. Еслибы Гоголь наполнилъ свои простонародныя повѣсти подобными фактами да озарилъ ихъ своимъ талантомъ, тогда-бы онъ *объяснилъ* Украину. Но, безъ этого, онъ сдѣлалъ ими одно только истинно достойное дѣло: «далъ новое, сильное побужденіе къ ея объясненію», какъ сказано у меня въ осмѣянномъ *Русскою Бесѣдою* эпилогъ къ *Черной Радѣ*.

Оканчивая свою повѣсть, Гоголь говоритъ: «Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ, съ длинными, закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе».

Хорошо сказано, но только противно истинѣ. На нашихъ простонародныхъ свадьбахъ нестройная, разговорившаяся и разшумѣвшаяся толпа дѣйствительно обращается къ единству и переходитъ въ согласіе отъ одного удара смычка. Но музыка тамъ совершаетъ гармонию жизни со всѣми ея варіаціями; музыка обращаетъ къ единству разнородныя чувства свадебной толпы, начиная отъ молодой четы, которая, взаимнымъ влеченіемъ другъ къ другу, предъявила свои права на состоятельность, до старшихъ въ семействахъ, давшихъ, послѣ долгихъ обдумываній и совѣщаній, свое благословеніе на эту самостоятельность, и до послѣдняго посѣтителя свадьбы, свидѣтельствующаго передъ міромъ ея законность.

Простонародныя свадьбы наши никогда не совершаются въ тихомолку. Объ нихъ возвѣщаетъ всему селу хоръ дружекъ, которыя, сбираясь на *дівичь-вечірѣ*, ходятъ по всѣмъ улицамъ и воспѣваютъ въ поэтическихъ образахъ готовое совершиться событіе. Лишь только

соберется народъ, музыка водворяетъ гармонію между нестройными голосами и обращаетъ чувства толпы къ единству. На дѣвичь-вечерѣ у бѣдныхъ людей голоса дружекъ замѣняютъ музыку, такъ какъ голоса коровайницъ замѣняли ее во время печенья коровай. Она дѣлаетъ свое дѣло уже въ день бракосочетанія, и тогда-то оживляются звуками музыки даже тѣ, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка», и даже самыя «старушки, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы (1)».

Наблюдая это явленіе мимоходомъ или мимоѣздомъ, какъ наблюдаютъ помѣщики, подобные автору *Вечеровъ на Хуторѣ*, можно подумать, что оно происходитъ «отъ одного удара смычка». Но это все равно, какъ еслибы думать, что душа католика трепещетъ и стремится къ небесамъ отъ одного того, что органистъ ударилъ по клавишамъ органа. Пускай тотъ самый органистъ играетъ свою религіозную симфонію въ мастерской у того, кто дѣлаетъ органы. Набожный католикъ, проходя мимо и зная, что это только проба органа, не содрогнется душою, не перестанетъ размышлять о своихъ дѣлахъ и будетъ продолжать свой путь спокойно. Точно такъ свадьба, сыгранная внезапно, при содѣйствіи ярмарочныхъ конокрадовъ вмѣсто почетныхъ старостовъ и прочихъ представителей сельскаго общества, еслибы только была возможна такая свадьба, — не произвели-бы на народъ такого впечатлѣнія, какъ у Гоголя напѣвъ дочери на старика отца и ударъ смычка на толпу людей, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ повидимому вѣкъ не проскальзывала улыбка и вѣяло равнодушіемъ могилы». Было-бы совершенно напротивъ. Одни развѣ Цыганы—конокрады участвовали-бы въ такой свадьбѣ и удостоили-бы танцовать на ней. Честные же поселяне съ ужасомъ отхлынули-бы отъ сумасшедшихъ, которые, отвергнувъ весь законъ (2), затѣяли свадьбу вдали отъ своего дома, точно *жиды на смітнику* (3). Не понеслось бы все и не затанцовало бы, какъ у Гоголя. И тѣ самыя старушки, которыя «подплясывали у него за веселящимся народомъ, даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, подъ вліяніемъ одного хмѣля, заставлявшаго ихъ дѣлать что-то подоб-

(1) *Сорочинская Ярмарка*, стр. 38.

(2) Всѣ свадебныя церемоніи вмѣстѣ называются *закономъ*; оттого и *законныя рѣчи*.

(3) Такъ выражается о еврейской свадьбѣ народъ.

ное человѣческому, какъ механикъ своего безжизненного автомата», тѣ самыя старушки явились бы на такой свадьбѣ главными представительницами пораженного ужасомъ и оскорбленіемъ общества: онѣ бы вдругъ ожили, точно вставшія изъ гробовъ покойницы, и предавали-бы всенародно проклятію безумнаго Солопія и безумную молодую чету. Ихъ ветхія лица, на которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, сдѣлали-бы страшное впечатлѣніе на «новаго, смѣющагося, живаго человѣка», между которымъ они безсмысленно толкаются у Гоголя. Долго новый, живой человѣкъ не забылъ-бы ихъ замогильныхъ воплей, и въ грядущія поколѣнія перешла бы какая нибудь волшебная легенда въ память ужаснаго беззаконія, совершившагося всенародно.

И вотъ вамъ впечатлѣніе, производимое на критика-этнографа тою самою молодою, смѣющейся поэзіей *Сорочинской Ярмарки*, которая во времена оны заткала радужною сѣткою передъ его глазами дѣйствительность, и непреодолимою силою увлекала его воображеніе въ свой фантастическій причудливый міръ, невозможный на нашей почвѣ. «Не такъ ли и радость», скажемъ словами Гоголя, «прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ (съ лѣтами), и напрасно одинокій думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ зхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые другі бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему (¹)»!

Да, намъ жалко разстаться съ тѣми восторгами, какіе мы чувствовали во времена оны при чтеніи *Вечеровъ на Хуторѣ* — все равно, «какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной юности (²)». Но всякій возрастъ имѣетъ свои преимущества и свою замѣну того, что было безразлично-хорошо въ прежнее время. Это должно сказать, какъ объ одномъ человѣкѣ, такъ и о цѣломъ обществѣ....

П. Кулишъ.

29 іюня 1838.
Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

(¹) Заключительныя слова *Сорочинской Ярмарки*.

(²) Слова Гоголя въ предисловіи къ изданію его *Сочиненій* въ 1842 году.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

II.

№ 8. *Отъ исправляющаго должность старшаго учителя татаровской гимназіи, Тропова, къ его брату, батальонному лѣкарю.*

Какъ куколка сбрасываетъ съ себя свою некрасивую оболочку и превращается въ блестящую бабочку, такъ, въ одно прекрасное утро, по выдержаніи выпускнаго университетскаго испытанія, сбросилъ я съ себя свою подержанную студенческую оболочку и явился въ новой, учительской формѣ. Въмѣсто сюртука, давно уже отжившаго вѣкъ, назначенный ему законами суконной природы и положеніемъ о срокахъ казенныхъ сюртуковъ, на мнѣ былъ новый видъ—мундиръ, со всѣми опредѣлительными и дополнительными къ нему частями туалета. Превращеніе это совершилось при пособіи 133 рублей, съ копейками, третнаго, не въ зачетъ, жалованья. Не разъ, въ минуты безтабачья, испыталъ я, какъ бываютъ дороги и 15 копѣекъ—цѣна вожделенной пачки Жукова; — поэтому сто тридцать три рубля показались мнѣ неистощимымъ капиталомъ, и я тогда только убѣдился въ противномъ, когда у меня въ кошелькѣ осталось не болѣе, какъ сколько было необходимо на прогоны и путевыя издержки въ Татаровку. Зато я былъ во всеоружіи учительскаго облаченія, съ ногъ до головы, то есть отъ клуговскихъ сапогъ до циммермановской шляпы.

Представленіе мое директору — вотъ истинный Рубиконъ, отдѣляющій міръ моихъ прежнихъ, юношескихъ понятій отъ міра officialной жизни. Прежде всего директоръ самымъ чувствительнымъ образомъ поразилъ меня именно съ той стороны, съ которой я считалъ себя менѣе всего уязвимымъ, то есть со стороны безукориз-

ненности моего туалета. «У васъ нѣтъ мундира, г. Троповъ» сказалъ онъ, остановивъ меня почти у порога: «всеѣ вы, господа казеннокоштные, таковы! чуть только получили третное не въ зачетъ жалованье, тотчасъ спѣшите запасться клуговскими сапогами, циммермановской шляпой, галстучкомъ изъ Нѣмецкаго магазина, позолоченною цѣпочкою, а о главномъ — о мундирѣ, и забываете. Впрочемъ я васъ и не виню; естественно, что галстучекъ и воротнички интересуютъ студента болѣе, нежели форма; но ваше университетское начальство могло бы наблюсти, чтобы всякій казеннокоштный, получившій не въ зачетъ третное жалованье, прежде всего сшилъ себѣ мундиръ. Не имѣть мундира значитъ неуважать начальства, не дорожить своимъ званіемъ. На безмундирныхъ я смотрю, какъ на санкюлотовъ; ихъ нѣтъ въ моей гимназій. Поэтому, г. Троповъ, вы немедленно должны сшить себѣ мундиръ. Я знаю, у васъ денегъ нѣтъ: галстучки, воротнички, пуговицы, поглотили весь капиталъ; но мундиръ будетъ сшитъ вамъ въ счетъ вашего жалованья, съ васъ снимутъ мѣрку, а постройкою займется надзиратель Михайловъ.»

Говоря это, директоръ въ то же время взглядомъ, голосомъ и жестомъ старался испытать степень моей впечатлительности. То сдѣлаетъ нѣжные глазки и заговоритъ тономъ дружеской бесѣды, то вдругъ посмотритъ сурово и возвыситъ голосъ до самой высокой начальнической ноты, то подойдетъ ко мнѣ, возьметъ за пуговицу, положить мнѣ на плечо руку, то отойдетъ и, потомъ вновь приблизившись, вдругъ сдѣлаетъ рукою ораторскій жестъ, будто для того, чтобы испытать степень моей природной расположенности къ перенесенію пощечины. Посредствомъ этихъ магнетизерскихъ приѣмовъ, директоръ, вѣроятно, желалъ испытать мой нравъ и произвести на меня обаяніе, подобно тому, какъ ремонтеръ испытываетъ нравъ лошади и укротитель животныхъ подчиняетъ ихъ своей волѣ. Въ заключеніе этого магнетизерскаго сзанса, директоръ показалъ видъ, будто желаетъ проститься со мною и подать мнѣ руку, но лишь только я протянулъ свою, какъ онъ обѣ свои спряталъ въ карманы и, кивнувъ мнѣ головою, сухо сказалъ: «прощайте.» Я ушелъ, но не успѣлъ еще запереть дверь, какъ онъ вновь кликнулъ меня. «Г. Троповъ», сказалъ онъ: «пожалуйста, остригитесь; учитель долженъ подавать примѣръ ученикамъ; вакаціонное время дано намъ начальствомъ не на то, чтобы отращать себѣ волосы.» Такъ кончилось мое первое свиданіе съ директоромъ. По всему замѣтно, что я попалъ въ руки

великаго мастера въ дѣлѣ укрощенія и дресировки подчиненныхъ. Но напрасно со мною, человѣкомъ смиреннымъ, онъ сразу обошелся такъ жестко; Богъ ему судья!

На слѣдующій день, директоръ пригласилъ меня къ себѣ поговорить о способѣ преподаванія моего предмета. «Вы назначены въ татаровскую гимназію преподавать русскую словесность», сказалъ онъ; «предметъ вашъ я считаю однимъ изъ запутаннѣйшихъ предметовъ гимназическаго курса; съ нимъ однимъ директору хлопотъ болѣе, нежели со всѣми остальными; разумѣется, запутанъ онъ не по своему содержанію, котораго я не касаюсь, а собственно по трудности преподаванія на законномъ основаніи. Вамъ извѣстно, что основаніемъ преподаванія у насъ служатъ: во-первыхъ, начальническое распоряженіе, во-вторыхъ, программа нашего учебнаго округа, въ-третьихъ, одобренные начальствомъ учебники. Къ несчастію, по словесности, начальство, программа и учебники — не во всемъ между собою согласны: въ учебникѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы программы, а въ программѣ нѣтъ вопросовъ на статьи учебника. Равнымъ образомъ программа наша расходится и съ начальническимъ распоряженіемъ, которое состоялось послѣ напечатанія программы и, по словесности, имѣло въ виду только еще подготавливавшійся въ то время учебникъ. Вотъ собственно въ чемъ заключается трудность и запутанность вашего предмета. Ограничившись однимъ учебникомъ — не удовлетворишь требованіямъ программы: а вы знаете, кто составлялъ программу! Станешь придерживаться программы — отступишь отъ учебника, который не только одобренъ, но и напечатанъ самимъ начальствомъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, я вижу только одно средство, которое, впрочемъ, не правится начальству, котораго я самъ не люблю и на которое только крайность заставляетъ меня рѣшиться: это — выдавать дополнительные записки. Но здѣсь новое затрудненіе. По всѣмъ другимъ предметамъ, заглавія разныхъ европейскихъ сочиненій, которыми, на законномъ основаніи, можетъ руководствоваться учитель, въ программѣ разсыпаны щедрою рукою; по отечественной же словесности, какъ нарочно, ни одного. Нечего дѣлать, г. Троповъ: по тѣмъ вопросамъ программы, которые не вошли въ учебникъ, составьте ваши собственныя записки, разумѣется, въ духѣ руководства; составивши, препроводите ихъ при рапортѣ ко мнѣ, а я представлю на усмотрѣніе его превосходительства Кузьмы Демьяновича. При этомъ рекомендую вамъ имѣть въ виду, что употребленіе вашихъ записокъ

учащимися должно оставаться безъ всякаго вліянія на употребленіе учебника; кромѣ того, предлагаю вамъ сдѣлать необходимымъ для учениковъ всѣхъ классовъ употребленіе двухъ русскихъ хрестоматій: те-перешней и прежней, которой осталось еще у насъ, въ книжномъ магазинѣ, значительное число экземпляровъ.» — Прощай, любезный братъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я дамъ тебѣ понятіе о моемъ положеніи въ здѣшнемъ обществѣ и объ отношеніяхъ моихъ къ сослуживцамъ и ученикамъ.

№ 9. *Отъ Софіи Строинской къ гувернанткѣ почетнаго попечителя, Констанціи Подлинской.*

Только послѣ разлуки съ тобою, ma chère Constance, я узнала всю цѣну твоей дружбы. Полжизни отдала бы я зато, чтобы ты теперь была со мною, чтобы имѣть друга, съ которымъ могла бы дѣлиться чувствами. Еще никогда я такъ не тяготилась одиночествомъ моей жизни въ Татаровкѣ. Особенно весна этого года навѣяла на меня какую-то грусть и тревогу. Иногда по цѣлымъ часамъ просиживаю въ нашемъ садикѣ, въ какомъ-то странномъ душевномъ состояніи. Сердце чего-то проситъ, душа куда-то рвется; среди безмятежной природы, я испытываю непонятную борьбу и чувствую, какъ, подъ вліяніемъ какихъ-то неясныхъ грезъ, то краснѣю, то блѣднѣю. Ахъ! если бы въ эти минуты я могла прильнуть къ твоей груди, въ горячихъ поцѣлуяхъ и ласкахъ высказать тебѣ мою душу. Но вокругъ меня все такъ пусто и безжизненно. Маменька постоянно занята по хозяйству, мы рѣдко—гдѣ бываемъ, еще рѣже видимъ у себя чужаго человѣка. Только и отрады, что книга. Зато съ какою жадностію я предаюсь этому удовольствію, съ какимъ восторгомъ переселяюсь изъ бездушной татаровской дѣйствительности въ очаровательный міръ фантазій. На дняхъ я читала *Валентину*. Ахъ! ma chère Constance, сколько чувства, какое наслажденіе для сердца и воображенія. Въ одномъ только я не согласна съ сочинительницею (говорятъ, что Жоржъ-Зандъ сочинительница, а не сочинитель) мнѣ кажется, что героини ея романовъ слишкомъ уже самоотверженно подчиняются мужчинамъ и переносятъ ихъ капризы. Иногда я ставлю себя въ ихъ положеніе и тогда чувствую, что никогда не позволила бы мужчинамъ имѣть надо

мною столько власти. Чаша блаженства обща, но она должна оставаться въ рукѣ женщины. Всякая зависимость нестерпима для моей *сарматской* натуры.

Раза два я была у мадамъ Риво. Сколько воспоминаній воскресло въ моей душѣ, при видѣ комнатки, гдѣ провели мы столько счастливыхъ, беззаботныхъ дней. У мадамъ Риво по прежнему десятка два ученицъ, съ которыми она занимается тайкомъ отъ властей учебныхъ и по секретному договору съ властями гражданскими мѣстечка Татаровки. Помнишь, какъ поспѣшно, съ крикомъ: мракъ! мракъ! ⁽¹⁾ прятали мы подъ передники всѣ книги и тетради и брали въ руки работу, коль скоро намъ давали знать, что на улицѣ появился кто либо изъ гимназическихъ чиновниковъ. Матап говорила мадамъ Риво, почему она не выхлопочетъ себѣ права открыть формальный пансионъ, чтобы избавиться наконецъ отъ этой вѣчной тревоги. Но мадамъ Риво отвѣчала, что ей гораздо выгоднѣе знать одного становаго пристава, нежели подчиниться всѣмъ законнымъ формальностямъ и личнымъ капризамъ татаровскаго директора и компаніи.

Вчера мы были съ матап на именинахъ у аптекарши. Общество состояло изъ нѣсколькихъ семействъ знакомыхъ тебѣ татаровскихъ старожиловъ и полного штата гимназическихъ учителей. Сынъ аптекаря воспитывается въ гимназiи, и за то, что учителя набиваютъ разнымъ вздоромъ голову сына, аптекарь считаетъ себя обязаннымъ набивать учительскіе желудки. Танцевали. Я танцевала мазурку и одну кадрили съ недавно назначеннымъ сюда учителемъ литературы, который чрезвычайно смѣшилъ меня своимъ польскимъ произношеніемъ. Онъ—русскій; не смотря на то, не дурно танцуетъ и умѣетъ найтись въ обществѣ. Вѣроятно, или родился, или долго жилъ въ нашихъ мѣстахъ, а только притворяется, что не умѣетъ по-польски. Этотъ господинъ простеръ свою любезность до того, что и за ужиномъ не оставилъ дамскаго общества и не присоединился къ своимъ сослуживцамъ, которые, за особымъ столомъ, очищали, наперерывъ другъ передъ другомъ, блюда и бутылки. Впрочемъ ихъ и зовутъ только за тѣмъ, чтобы накормить, и на этотъ разъ они честно исполняютъ свое *призваніе*.

Посылаю тебѣ выкройку мантильи моего собственнаго изобрѣтенія.

(1) Въ подлинникѣ: ёта, что, кромѣ тьмы, мрака, значитъ еще: ночная бабочка.

Тебѣ извѣстенъ мой талантъ въ дѣлѣ шитья и вышиванья. Недавно я выучилась шить перчатки, и теперь другихъ не ношу, кромѣ своей собственной работы. Кожечку выписываемъ изъ Бердичева. Тетинька кланяется тебѣ. Цѣлую тебя миллионъ разъ въ губки, въ щеки, въ носикъ, въ лобикъ, и прошу не забывать твоей — Sophie.

№ 10. *Отъ учителя исторіи татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю русской словесности Носачевской гимназіи, Навиному.*

Только по прошествіи года, уже порядкомъ окупившись въ здѣшней жизни, я передаю тебѣ впечатлѣніе, которое эта жизнь произвела на меня. Кажется, Иванъ Андреевичъ, въ университетѣ мы общались другъ другу переписываться чаще; но мало ли что обѣщается и не исполняется. Утѣшимся однако (хоть соложемъ, а утѣшимся!): теперь всѣ замѣчанія наши, какъ болѣе зрѣлый плодъ опытности и размышленія, будутъ гораздо основательнѣе.

Прежде всего я желалъ бы въ нѣсколькихъ словахъ выразить тебѣ отличный характеръ края, въ которомъ, по волѣ судьбы и начальства, нынѣ обрѣтаюсь. Англію мы представляемъ себѣ не иначе, какъ краемъ разумной свободы гражданской; Германію — царствомъ мысли; Францію — страной утонченныхъ нравовъ. Что же такое Польша, по крайней мѣрѣ тотъ слой Польши, который я видѣлъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ? Это земля славянская, сильно заправленная папизмомъ. Папизмъ и славянская національность діаметрально противоположны другъ другу. Какъ противоположны лукавая казуистика и неподкупный голосъ сердца, задолбанный принципъ и вдохновеніе, Парагвайская республика отцовъ іезуитовъ и Запорожская Сѣчь: такъ противоположны папизмъ и славянская національность. И однако папизмъ глубоко пустилъ здѣсь свои корни.

Напрасно у насъ смѣшиваютъ духъ папизма съ духомъ польской національности: папизмъ только пользуется національностью; но польсти ему — и онъ станетъ подъ знамена какой-угодно національности. Австрія, непопулярная въ католической, но издревле свободномыслящей, отчизнѣ Гусса, очень уважаема въ Моравіи, гдѣ папизмъ всеиспелъ. Лишь бы и самому властвовать надъ омраченными умами, моравскій

папизмъ протянулъ руку Австріи и заключилъ съ нею братскій договоръ на порабощеніе славянина нѣмцу. Папизмъ — естественный союзникъ обскурантизма. Живой примѣръ у меня передъ глазами. Директоръ нашъ — страшный деспотъ и обскурантъ; его здѣсь никто не любитъ; но въ ксендзѣ Пуцайлѣ онъ нашелъ себѣ ревностнѣйшаго поборника и защитника. Ксендзъ понимаетъ, что іезуитская дисциплина директора готовить и ему обильную жатву.

Только вліяніемъ папизма я могу объяснить себѣ нѣкоторыя черты здѣшнихъ правовъ, несвойственныя славянской природѣ; только папизмъ могъ внушить славянину чуждый ему духъ нетерпимости, самообожанія, пропаганды, резонерства.

Папизмъ говоритъ: «я—свѣтъ міру; все остальное—мракъ, ересь, «расколъ, достойная добыча огня вѣчнаго, а подчасъ и временнаго; одинъ путь къ Небу—мой путь, и мое призваніе — всѣхъ, волею и цеволею, обращать на этотъ единственный путь спасенія.» Затѣмъ слѣдуетъ очень справедливое въ устахъ славянина замѣчаніе: «мы всегда отличались ревностью и религіознымъ чувствомъ.» Изъ соединенія этихъ двухъ посылокъ выводится заключеніе: «ergo, мы народъ избранный, насъ ожидаетъ великая будущность, мы должны твердо вѣровать въ свое превосходство и стараться передѣлать другихъ на свой ладъ.» Разумѣется, все это—слова; поэтому фразерство всегда играло здѣсь важную роль и будетъ играть, пока безпристрастный судъ свободной мысли не восторжествуетъ надъ искусственной энергіей папизма. Прискорбенъ видъ смерти: грустно видѣть, какъ умираетъ человѣкъ, какъ исчезаетъ идея, жившая въ убѣжденіи людей въ теченіи многихъ поколѣній; но непріятенъ и видъ насильственной жизни: непріятно видѣть, какъ гальванизуетъ людей уже отжившее свой вѣкъ начало.

Теперь слѣдуетъ дать тебѣ понятіе о томъ, что дѣлаемъ здѣсь мы, наставники, чтобы поставить школу въ должныя отношенія къ жизни. Ты полагаешь, что для этого мы употребили какія нибудь особенно тонкія воспитательныя мѣры: открыли новыя каедры, позаботились о приготовленіи педагоговъ, объ изданіи хорошихъ учебниковъ? Извини, любезный другъ: сражаться невидимымъ оружіемъ педагогическимъ и всякихъ другихъ *гоий* и *логий* не наше дѣло. Это не только головоломно, но и опасно. Пожалуй, пустившись въ разсужденія, еще самъ попадешь въ просакъ, какъ нѣкій западный докторъ богословія, неосторожно затѣявшій диспутъ съ чертомъ. Мы распо-

рядились по своему. *C'est le petit ventre qui gouverne le monde.* На этомъ основаніи, мы и на воспитаніе дѣйствуемъ здѣсь посредствомъ питанія, и дѣйствуемъ такъ удачно, что о способѣ воспитанія здѣсь теперь никто не думаетъ и не говоритъ, а все заняты только способомъ питанія учащихся. Для всехъ самый жизненный воспитательный вопросъ заключается въ томъ, гдѣ дѣти будутъ жить и кто ихъ будетъ кормить. Этихъ блестящихъ результатовъ мы достигли учрежденіемъ большаго питательнаго заведенія, или, такъ—называемой, *общей ученической квартиры*. Ты дворянинъ, хочешь учиться — такъ давай денежки и ступай въ общую квартиру: тамъ ѣшь, пей, ложись, вставай, а за тѣмъ и учи по росписанію и командѣ, безъ излишнихъ разсужденій. Въ сущности общія квартиры не лишены рациональнаго основанія: это учебно—смирительныя заведенія, въ которыхъ успѣхъ элемента воспитательнаго основанъ на благотворномъ вліяніи элемента смирительнаго. Боюсь однако, чтобы образовательная сила подобнаго метода, направленная по преимуществу на органы физическіе, не произвела въ нравственныхъ особаго рода рефлексивныхъ движеній, съ которыми, пожалуй, потомъ и не справишь.

До сихъ поръ однако, все обстоитъ благополучно, особенно на бумагѣ. Какъ докторъ Панглосъ, все мы хоромъ твердимъ, что все у насъ идетъ къ лучшему, въ нашемъ наилучшемъ мірѣ, зачѣмъ хвалимъ другъ друга и благодаримъ другъ друга, по обыкновенію, неправдо. Но что, если все это не болѣе, какъ самообольщеніе? Тогда раньше или позже послѣдуетъ разочарованіе, и незавидна будетъ участь тѣхъ, которые примутъ отъ насъ въ наслѣдство только хаосъ утраченныхъ иллюзій.

Вотъ тебѣ, дружище, основныя черты здѣшней жизни и здѣшней школы; самъ ты уже догадаешься, что отношенія ихъ другъ къ другу не могутъ быть любезны. Школа и знать не хочетъ жизни, — зато и жизнь всеми силами старается нагадить школѣ. Блаженна страна, которой чуждо подобное раздвоеніе; блаженна носачевская гимназія, живущая одною общею жизнію со всемъ народонаселеніемъ мирнаго города Носачевки; блаженъ и ты, Иванъ Андреевичъ, просвѣщающій юношество, которое въ школѣ ведетъ борьбу только съ буквами *еры* и *иже*, въ области произношенія и правописанія. Какъ бы и мнѣ хотѣлось попасть въ ту родную страну, *wo die Citronen blühen*, то есть, гдѣ такъ неподобно варенье и такъ неподражаемо соленье. Прощай.

№ 11. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Тропова, къ его брату, баталіонному лѣкарю.*

Чтобы дать тебѣ вѣрное понятіе о моемъ здѣсь положеніи, я долженъ познакомить тебя съ здѣшнимъ обществомъ.

Просвѣщеніе, или правильнѣе, воспитаніе, *educasya*, играетъ важную роль въ жизни здѣшняго общества: это одинъ изъ главныхъ, и нравственныхъ, и экономическихъ, здѣсь двигателей. Всякій считаетъ долгомъ, какъ можно лучше воспитать своихъ дѣтей. Для воспитанія, богатый не жалѣетъ денегъ; бѣдный—жертвуетъ послѣднимъ. Почти четвертую долю всѣхъ учениковъ гимназіи составляютъ дѣти людей достаточныхъ, издерживающихъ на воспитаніе сына отъ 400 до 1000 рублей. Люди эти, по большей части, помѣщики, нерѣдко сами съ семействами поселяются въ гимназическомъ городѣ и привлекаютъ туда множество разныхъ учителей языковъ, музыки, танцованія. Татаровка съ виду деревня, состоящая изъ мазанокъ подъ соломенными крышами; но въ каждой мазанкѣ, съ утра до вечера, совершается служеніе музамъ на разныхъ языкахъ и инструментахъ. Это — Аонины крюкославской губерніи; всѣ здѣсь живутъ или для воспитанія, или посредствомъ воспитанія. Не смѣшивай однако этого всеобщаго стремленія къ воспитанію съ стремленіемъ къ тому просвѣщенію, душу котораго составляетъ поклоненіе истинѣ. Подъ наружнымъ покровомъ этой гонимы за воспитаніемъ, таится какой-то консерватизмъ мысли, какая-то вѣра въ букву и авторитетъ, верховнымъ выраженіемъ котораго признаются здѣсь виленскіе и кременецкіе педагоги и ихъ воспитанники. Скорѣе Вагнеръ, нежели Фаустъ, могъ бы быть представителемъ стремленія къ наукѣ здѣшняго общества; это не столько внутренняя жертва духа, сколько внѣшній обрядъ, но все таки обрядъ искренній, а не пустая дань модѣ. Кажется, католическое духовенство, въ рукахъ котораго долгое время находилось здѣсь воспитаніе, дало умственной жизни этого края какой-то старообрядческій характеръ; тѣмъ не менѣе, здѣсь съ давнихъ поръ ведется вѣра въ науку и уваженіе къ наставникамъ. Но увы! уваженіе это ни чуть не распространяется на насъ, официальныхъ распространителей современнаго ученія. Въ насъ они упорно отвергаютъ наставническій характеръ и также мало вѣрятъ нашей образованности, какъ и храбрости австрійскихъ солдатъ. Мы для нихъ не болѣе, какъ чиновники, по-

жалованные начальствомъ въ учителя. По ихъ мнѣнію, процессъ ученія въ гимназіи совершается какъ-то самъ собою, при пособіи благотворнаго вліянія здѣшняго климата и кременецкихъ преданій; а мы только ставимъ шары, переводимъ изъ класса въ классъ и выдаемъ аттестаты. Съ этой только стороны мы и интересны для нихъ. Пока ихъ дѣти въ гимназіи, между ими и нами есть связь, но такая, какая между покупателемъ и лавочникомъ, пока идетъ торгъ. Выбыли дѣти изъ гимназіи — они забываютъ о существованіи нашемъ, какъ забываетъ покупатель о лавочникѣ, когда товаръ взятъ изъ лавки. Правда и то, что, допустивъ въ нашъ учебный міръ разные подъяческіе приемы, мы сами отчасти способствовали тому, что на учебное заведеніе здѣсь смотреть, какъ на подъяческую инстанцію. Довольно тебѣ сказать, что здѣсь есть люди, считающіе татарскаго директора агентомъ тайной полиціи: *to szpieg, ranie* — это шпионъ, сударь, говорятъ они о нашемъ директорѣ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ обществѣ все вдругъ встревожились и замолчали, потому что кому-то показалось, что подъ окошкомъ подслушивалъ.... директоръ гимназіи.

Учителей, однако, общественное мнѣніе щадить въ этомъ отношеніи. Дверь здѣшнихъ гостинныхъ для насъ не закрыта, — разумѣется, кромѣ высшихъ аристократическихъ, которыя и внутри Россіи, какъ и во всемъ образованномъ мірѣ, не слишкомъ-то открыты для учительскаго сословія. Но сближеніе съ здѣшнимъ обществомъ тоже имѣетъ свои невыгоды. Коль скоро вы сблизились, тотчасъ перестаютъ щадить въ васъ ваши убѣжденія, ваше общественное положеніе. Будто для того, чтобы доказать вамъ свое довѣріе и хорошее мнѣніе о вашемъ вкусѣ и чувствахъ, начинаютъ васъ подбивать избитыми анекдотами, въ которыхъ главную роль играетъ невѣжество русскихъ офицеровъ; читаютъ quasi-патріотическіе стихи, въ которыхъ Россія представляется въ видѣ неосѣдой татарской орды, еще странствующей на повозкахъ, со всемъ скарбомъ своимъ и всеми плодами своего уметвеннаго и общественнаго развитія. Если духъ фанатической петершности ко всему чужому и слѣпнаго пристрастія къ своему такъ силенъ теперь, то чтò было бы тогда, когда бы этотъ духъ нашелъ себѣ болѣе обширное примѣненіе въ жизни гражданской и политической? Въ исторіи покойной инквизиціи, кажется, можно найти отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Вѣжливость, или, лучше сказать, любезность обращенія состав-

ляетъ здѣсь одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ добродѣтелей; даже въ сношеніяхъ официальныхъ должно быть любезнымъ. Какъ ни внимателенъ кто къ дѣлу, но если въ тоже время не будетъ внимателенъ и къ лицу — его назовутъ варваромъ.

Я расскажу тебѣ анекдотъ, выдуманный здѣшнимъ же юморомъ, въ насмѣшку надъ излишнею щекотливостью здѣшнихъ понятій о вѣжливости. Во времена оны, когда каждый польскій шляхтичъ былъ *eo ipso* и прямой кандидатъ на польскій престолъ, случилось одному шляхтичу быть на балу у короля. Онъ пригласилъ королеву протанцовать съ нимъ краковяка; но едва успѣлъ пройти съ королевой разъ, другой, какъ музыка перестала играть краковяка и заиграла мазурку. Шляхтичъ счелъ обидѣлся такимъ невниманіемъ къ танцующей парѣ и, желая поставить на своемъ, продолжалъ танцовать краковяка. Положеніе королевы было крайне затруднительно: танцовать мазурку — обидѣть шляхтича; танцовать, вмѣстѣ съ шляхтичемъ, краковяка — обидѣть танцующихъ мазурку. Она однако побѣдоносно вышла изъ этого затруднительнаго положенія, протанцовавъ, по вдохновенію уточенной королевской вѣжливости, — одною ногою мазурку, а другою — краковяка. Нерѣдко приходится здѣсь и намъ, чтобы не разстроить гармоніи, танцовать одною ногою краковяка, а другою мазурку; но подобные фокусы вѣжливости тягостны.

Между тѣмъ, тѣ же самые люди, которые такъ требовательны и щекотливы въ дѣлѣ вѣжливости, по своимъ понятіямъ, часто бываютъ очень невнимательны къ требованіямъ вѣжливости, по понятіямъ другихъ. Записные остряки, составляющіе здѣсь штатную принадлежность всякой компаніи, на каждомъ шагу готовы угостить васъ, подъ видомъ плоской шутки, самыми не деликатными намеками. Даже крайняя безцеремонность и невѣжество здѣсь какъ-то уживаются съ любезностью. Недавно я былъ на вечерѣ у здѣшняго аптекаря. Нужно тебѣ замѣтить, что, для сокращенія формальностей, здѣсь въ рѣдкомъ домѣ есть передняя: прямо изъ сѣней являешься въ пріемную. Въ аптекарской пріемной, подъ звуки флейты — гезеля и скрипки — провизора, танцовали кадрили, когда предъ танцующими явился новый гость, одѣтый по дорожному. Гость этотъ, господинъ почтенныхъ лѣтъ и наружности, снимаетъ шинель, шарфъ, теплые сапоги, наконецъ садится на стулъ и съ словомъ: *przepraszam*, извините, начинаетъ снимать брюки. Я остолбенѣлъ. Вышло однако, что подъ этими верхними брюками, надѣтыми почтеннымъ господиномъ для пре-

дохраненія себя отъ простуды, были другія, въ которыхъ онъ явился предъ обществомъ и оказался не только почтеннымъ, но и очень любезнымъ господиномъ.

О любезности здѣшнихъ женщинъ не скажу тебѣ ни слова; любезность ихъ—это фактъ, засвидѣтельствованный всѣми образованными путешественниками, впрочемъ, по моему, отчасти фактъ взаимной любезности между образованными путешественниками и здѣшними женщинами. Туземцы, а въ особенности мужья, могутъ быть на этотъ счетъ другаго образа мыслей. Лучше обращаю твое вниманіе на рѣдкій даръ прозорливости въ дѣлахъ сердечныхъ здѣшнихъ матерей и тетокъ. Ни одинъ докторъ не опредѣлитъ такъ болѣзни, какъ онѣ, по самымъ легкимъ, едва замѣтнымъ, симптомамъ, опредѣлять, кто кому нравится и въ какой степени, и ни одинъ докторъ не сдумаетъ такъ повести болѣзни, какъ онѣ поведутъ къ желанному исходу сердечную склонность. На томъ же вечерѣ у аптекаря, довелось мнѣ танцовать кадрили съ очень миловиднымъ созданіемъ — Софіей Строинской. Не успѣли мы обмѣняться нѣсколькими словами, какъ возлѣ насъ очутилась какая-то тетушка Софін, видимо съ дружелюбнымъ намѣреніемъ облегчить намъ наше знакомство. Я вполне увѣренъ, что въ томъ же самомъ обществѣ возлѣ меня очутилась бы другая тетушка, если бы только въ моей душѣ мелькнула тѣнь предпочтенія къ другой племянницѣ. Достойно замѣчанія, что на русскихъ чиновниковъ—жениховъ здѣсь смотреть гораздо гуманнѣе, нежели на просто русскихъ чиновниковъ: это родъ жертвы, приносимой прекраснымъ поломъ въ пользу цивилизаціи варваровъ.

Прекрасную черту здѣшнихъ нравовъ составляетъ религіозное чувство, если только оно соответствуетъ степени наружнаго благочестія. На развитіе этого послѣдняго, безъ сомнѣнія, имѣло большое вліяніе католическое духовенство, которое, оставляя догматъ неприкосновеннымъ, умѣло искусно пользоваться и логикою страстей, и логикою ума, чтобы облечь благочестіе въ мягкія, успокоительныя, формы.

Труднѣе всего здѣсь примириться свѣжему человѣку съ officialными, гимназическими, нравами. Это, по-истинѣ, міръ сплетень, доносовъ, раболѣнства, взаимнаго недовѣрія и бездушнаго формализма, созданный и поддерживаемый политикою директора, принявшаго за основное правило управленія—*divide et impera*. Не видѣвши, трудно себя представить, какимъ образомъ вся эта грязь страстей могла развиваться въ учебномъ кругу, гдѣ, кажется, интересы такъ благо-

родны, отношенія такъ просты. Но тѣмъ именно и отвратительны здѣсь страсти, что уродуютъ простыя и благородныя отношенія учебной жизни: это именно мерзость заустѣнія на мѣстѣ святѣ. Жена учителя географіи купила шляпку и подверглась осужденію жены учителя ариметики; учитель физики поссорился за преферансомъ съ учителемъ высшей математики; учитель латинскаго языка не поклонился инспектору; дочь учителя русскаго языка пѣла венгерскій романсъ; у младшаго учителя нѣмецкаго языка явились пара утокъ и индѣйскій пѣтухъ, не купленные, сколько извѣстно, на базарѣ; обо всемъ этомъ присяжные директорскіе донощики тотчасъ рапортуютъ директору; а какъ, по долгу службы, инспекторъ долженъ знать прежде директора все, что дѣлается въ гимназій, то инспекторскіе шпіоны съ своей стороны развѣдываютъ и собранныя свѣдѣнія передаютъ инспектору. Пока производится разслѣдованіе, въ которыхъ сторожа, лакеи, кухарки, являются главными дѣятелями, члены гимназическаго сословія шепотомъ спрашиваютъ другъ у друга: что такое случилось, зачѣмъ у избранныхъ директорскихъ агентовъ такія озабоченныя, таинственныя фізіономіи, какъ будто бы они нечаянно открыли комплотъ, угрожающій опасностью политическому равновѣсію Европы? Въ конфиденціальныхъ разказахъ фактъ искажается, силетня растетъ, мнѣнія раздѣляются, образуются партіи, разгораются страсти, является новая тема для новыхъ доносовъ и разслѣдованій. И это наше нормальное состояніе. Между тѣмъ, директоръ, пользуясь междоусобицей, старается порознь прибрать къ рукамъ cadaго изъ членовъ гимназическаго сословія. Сначала онъ будто не замѣчаетъ промаховъ подчиненнаго, даже перѣдко, тѣмъ или другимъ образомъ, смотря по характеру подчиненнаго, самъ вводитъ его въ искушеніе, и когда неосторожная жертва уже достаточно запуталась въ разставленные сѣти, тогда вдругъ поражаетъ ее и дѣлаетъ съ нею что ему угодно. Обыкновенно онъ казнитъ виновнаго только посрамленіемъ и униженіемъ въ глазахъ всѣхъ, не исключая и учениковъ, и это для того, чтобы потомъ имѣть возможность распоряжаться и лицомъ и голосомъ поработеннаго, какъ ему угодно. Всякая незапятнанная, и потому болѣе или менѣе независимая, личность для него — какъ бѣльмо на глазу.

Какъ ни всемогущъ директоръ, однако не отдыхаетъ на лаврахъ своего всемогущества: онъ и самъ долженъ вѣчно находиться въ томъ же вооруженномъ положеніи, въ которое поставилъ другихъ. Прежде

всего ему необходимо зорко слѣдить за дѣйствіями своего прямого врага—инспектора. По наружности они хороши между собою, но въ душѣ ненавидятъ другъ друга, ненавидятъ уже и потому, что власть и блескъ одного могутъ увеличиваться только на счетъ власти и блеска другого. Рѣшеніе самыхъ непріятныхъ дѣлъ и исполненіе самыхъ щекотливыхъ порученій директоръ возлагаетъ на инспектора; инспекторъ же, при исполненіи подобныхъ комиссій, чтобы оградить себя отъ нареканій, настоящимъ виновникомъ непріятныхъ приговоровъ старается выставить директора, а иногда, чтобы увеличить раздраженіе, прибавляетъ и отъ себя, на счетъ директора, какую-либо непріятность. Затѣмъ опаснѣйшими врагами директора являются тѣ учителя, которые болѣе другихъ пользуются довѣріемъ родителей и любовью учениковъ. Чтобы не потерять своей популярности, они съ умысломъ и безъ умысла даютъ замѣтить ученикамъ, что не одобряютъ директорскихъ дѣйствій и выставляютъ директора, какъ какую-то чуждую, демоническую власть въ кругу учебной жизни. Не спорю, подобные поступки учителей слишкомъ неблагоразумны и, быть можетъ, безнравственны; но они явились, какъ неизбежное слѣдствіе униженія учителей; грубое насиліе отняло у учителей ихъ законную власть, и теперь учителя стараются беззаконно возратить себѣ то, чего беззаконно лишились: обыкновенная исторія всякой борьбы за права.

Изъ учителей здѣшнихъ мнѣ особенно понравился учитель исторіи, Трезвый, человекъ очень даровитый и съ благороднымъ отъ природы характеромъ. Жаль только, что жизнь его какъ-то странно сложилась. Едва успѣлъ сюда пріѣхать, какъ, поддавшись вліянію романтической поэзіи и здѣшнихъ нравовъ, влюбился въ какую-то польку. Дѣвушка сначала кокетничала съ нимъ, потомъ бросила его для какого-то гусара, сама была оставлена гусаромъ, и наконецъ уѣхала въ гувернантку къ почетному попечителю нашей гимназіи. Сильная, здоровая, натура Трезваго глубоко почувствовала рану, нанесенную его сердцу и самолюбію. Къ страданіямъ сердечнымъ присоединились огорченія по службѣ: директоръ беспощадно издѣвался надъ неудачною любовью Трезваго, разсматривая ее, съ своей точки зрѣнія, какъ униженіе учительскаго званія въ глазахъ здѣшней публики, и слѣдовательно, какъ преступленіе по службѣ. Выдержавъ это испытаніе, Трезвый сталъ избѣгать общества, сдѣлался желченъ, извѣтленъ, недовѣрчивъ, и, наперекоръ своей фамиліи, началъ придерживаться рюмочки.

Не привлекательна картина моей татаровской жизни, однако въ ней есть и свѣтлая сторона. Бываютъ минуты, когда я вполне доволенъ своимъ учительскимъ званіемъ и не промѣнялъ бы его ни на какое другое; этими минутами я обязанъ—моимъ ученикамъ. Какая славная, даровитая молодежь, и сколько въ ней благородныхъ порывовъ! Право, удивляешься иногда, какъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ власти, при вредномъ вліяніи пристрастнаго суда общества, и при тѣхъ фальшивыхъ отношеніяхъ, въ которыя мы, учителя, нерѣдко ставимъ ее къ себѣ, она успѣла сохранить столько добрыхъ, искреннихъ чувствъ и такой вѣрный инстинктъ правды. Странно только то, что та же самая молодежь, вышедши изъ гимназій, тотчасъ проникается понятіями и предубѣжденіями большинства, начинаетъ смотрѣть на вещи съ узкой, исключительной, точки зрѣнія здѣшнихъ сплетницъ, воспитанниковъ разныхъ піарскихъ и базилианскихъ школъ, органистовъ и другихъ мѣстныхъ политиковъ. Я встрѣчался здѣсь съ молодыми людьми, недавно вышедшими изъ гимназій, и мнѣ казалось, что примирительный голосъ вѣка и науки никогда не проникалъ въ ихъ душу. Для многихъ еще въ университетѣ начинается это перерожденіе, потому что многіе еще въ университетѣ начинаютъ жить помѣщичьею жизнью.

№ 12. *Отъ студента университета къ ученику татаровской гимназій.*

Зная нашу Татаровку — акустическій центръ всѣхъ сплетень трехъ губерній — представляю себѣ, сколько тамъ у васъ разныхъ противорѣчивыхъ толковъ объ успѣхѣ нашихъ пріемныхъ университетскихъ испытаній. Одни, вѣроятно, говорятъ, что университетъ пришелъ въ ужасъ отъ нашего невѣжества, и начальство уже командировало чиновника для произведенія строжайшаго разслѣдованія о причинахъ малоуспѣшности учениковъ татаровской гимназій; другіе рассказываютъ, что мы на экзаменѣ удивили всѣхъ своими познаніями и развитіемъ, и что зато директоръ нашъ представленъ къ ордену, инспекторъ — къ чину, а надзиратель Цаповскій — къ денежному награжденію. Чтобы успокоить на этотъ счетъ татаровскихъ сплетниковъ и сплетницъ, спѣшу сообщить тебѣ, любезный другъ, самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о результатѣ нашихъ пріемныхъ испытаній. Смѣло

можешь сообщить ихъ, для опубликованія, старой паннѣ Кунигундѣ или пану Гербатовичу, этимъ двумъ подвижнымъ телеграфнымъ станціямъ татаровскихъ новостей.

И въ этомъ году экзаменаціонная лотерея разыгралась не безъ фарсовъ капризной фортуны, обманывающихъ своею неожиданностью всякій человѣческій расчетъ. Вопреки всѣмъ предположеніямъ нашимъ, основаннымъ на степени познаній каждаго изъ насъ, приняты по экзамену въ университетъ: Ясь, Стась, Олесь и даже Михась, который самъ долго не могъ повѣрить своему счастью; не приняты же Булковскій и Щуцацкій, на которыхъ такъ много надѣялись наши учителя и всѣ мы. Мнѣ тоже удалось выдержать. — — —

Къ счастью нашему, съ профессорской точки зрѣнія, безошибочность правописанія еще не можетъ служить пробнымъ камнемъ нормальности нашихъ убѣжденій и нашего воспитанія, и потому басни Крылова намъ диктуются съ музыкальными интонаціями, облегчающими различіе буквы *ь* отъ буквы *е* и запятой отъ двоеточія. Но бѣда въ томъ, что въ гимназіяхъ рѣшительно не обращаютъ вниманія на развитіе слуха, какъ одной изъ познавательныхъ способностей, даже преслѣдуютъ участіе этого органа въ отвѣтахъ нашихъ на учительскіе вопросы; поэтому, лучшіе изъ насъ менѣе всего приготовлены къ тому, чтобы, при диктовкѣ, пользоваться указаніями слуха, а пользуются ими только тѣ, которые еще въ гимназіи привыкли надѣяться болѣе на свой слухъ, нежели на свою память и постояннымъ упражненіемъ развили свой органъ слуха до того, что явственно могутъ различать каждое слово, шопотомъ имъ подсказанное съ третьей скамейки. Послѣ того не удивительно, что Булковскаго погубили буквы *ь* и *е* въ словѣ *теляга*, а Щуцакаго доѣхалъ мягкій знакъ въ словѣ *тюрьма*, тогда какъ Михась, у котораго дѣйствию вполне развито слуха не мѣшало излишнее знаніе грамматики, не сдѣлалъ ни одной ошибки въ своей диктовкѣ.

Не поправился мнѣ нашъ университетскій городъ: это смѣсь пустыни съ постояннымъ дворомъ. Къ этимъ двумъ главнымъ элементамъ, пожалуй, можно прибавить и третій, какъ плодъ различныхъ комбинацій двухъ первыхъ, — элементъ перспективы. Здѣсь достраивается красивый домъ, къ которому тѣмъ не менѣе уже прибита дощечка съ надписью: «*сей домъ продается и нанимается;*» за этимъ домомъ большое пустопорожнее мѣсто; за пустопорожнимъ мѣстомъ опять три-четыре дома съ неизбежною на каждомъ надписью

«сей домъ нанимается и продается», а тамъ опять пустырь или оврагъ. Далѣе, крутая гора, воздвигнутая мощнымъ духомъ пустыни. На этомъ пунктѣ предприимчивый духъ караванной централизаціи побѣждаетъ, положимъ, преграду, поставленную духомъ пустыни и пролагаетъ черезъ гору дорогу; но, у подошвы горы, среди песчаныхъ или тонкихъ низменностей, опять принужденъ вступить съ духомъ пустыни въ борьбу, изъ которой не всегда выходитъ побѣдителемъ. Зато перспектива хороша здѣсь вездѣ. Поднявшись, въ потѣ чела, на гору, путникъ можетъ, съ вершины горы, любоваться прекраснымъ видомъ низменностей; а утопая въ песку или тундрахъ низменностей, можетъ наслаждаться прекраснымъ видомъ горъ. Городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе рѣзкими естественными границами, нежели естественныя границы прусскаго королевства. Въ каждой изъ этихъ частей имѣется свой особенный комплектъ разныхъ географическихъ принадлежностей: есть свои горы, свои овраги, свои тундры, и свои песчаныя степи. Здѣсь кстати было бы сказать: еже Богъ разлучи, человекъ да не соединяетъ; но къ несчастію, эти естественно—разрозненные части соединены въ одно гражданское цѣлое, и горе путнику, принужденному странствовать черезъ горы и доли изъ одной части города въ другую.

Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ таже борьба двухъ враждебныхъ элементовъ: пустыннаго съ караваннымъ. Какъ на постояломъ дворѣ, ты найдешь здѣсь предметы роскоши, для удовлетворенія прихоти проѣзжаго графа, и, какъ въ пустынѣ, нуждаешься иногда въ предметахъ первой необходимости, потому что и самый запасливый содержатель гостиницы все таки не хозяинъ, для котораго домъ—гнѣздо, свитое не на одинъ день и не для аферы.

Самое народонаселеніе города постоянно измѣняется, какъ въ гостиницѣ. Вмѣсто однихъ бюрократовъ, являются другіе; прежніе полки гарнизона смѣняются новыми; на мѣсто прежнихъ пациентовъ Эскулапа, Минервы и Оемиды, поступаютъ новые. И между всѣми этими лицами внутренней общественной связи не болѣе, какъ и между случайными обитателями постоялаго двора. Есть здѣсь и театръ, и клубъ, бывають и собранія, но на всемъ этомъ лежитъ печать непостоянства, аферы, будто все это только затѣя содержателя гостиницы для развлеченія временныхъ гостей. Кто здѣсь коренные жители, гдѣ они, какой ихъ образъ жизни, — не знаю; вижу только содержателей постоянныхъ дворовъ и проѣзжихъ. Развѣ одно только

можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь съ давнихъ поръ ведется человѣческая оскѣдность, что въ основѣ караванъ—серая лежатъ кадры добраго стараго города—это духъ сплетни.

Адресъ мой: студенту университета, за журавлиными песками, на бараньемъ болотѣ, въ домѣ надворнаго совѣтника Замороки.

№ 13. *Примѣчаніе издателя.* Въ связкѣ сохранившихся у меня писемъ, № 13 выставленъ на моемъ собственномъ письмѣ къ одному изъ лицъ начальствующихъ. Помѣщаю здѣсь, безъ всякой перемѣны, и это письмо.

Ваше Высокородіе

Милостивый Государь,

Архипъ Сисоевичъ!

Въ письмѣ своемъ отъ 23 мая сего года, Ваше Высокородіе изволили обратиться ко мнѣ съ вопросомъ о дѣйствительныхъ причинахъ бѣгства подрядчика продовольствія общихъ ученическихъ квартиръ при татаровской гимназій. По долгу службы и моей личной къ Вамъ преданности, потщусь оправдать довѣріе Вашего Высокородія и расскажу все, ничего не утаивая и не прибавляя.

Продовольствіе общихъ ученическихъ квартиръ отдается въ нашей гимназій съ подряда тому, кто согласится взять на себя эту обязанность на самыхъ выгодныхъ для заведенія кондиціяхъ. Въ этомъ учебномъ году явилось нѣсколько подрядчиковъ—соискателей. Воспользовавшись возникшею при торгахъ перебивкою, г. директоръ предложилъ такія условія, отъ которыхъ болѣе всего могли выиграть экономическія суммы заведенія. Условія эти были приняты нынѣ бѣжавшимъ подрядчикомъ, Лазанковичемъ, какъ человѣкомъ несостоятельнымъ, и слѣдовательно ничѣмъ не рисковавшимъ, кромѣ 150 рублей залога, и то занятыхъ имъ у Еврея Шмуля Бохера.

На основаніи пункта шестаго упомянутыхъ условій, плата подрядчику за продовольствіе учениковъ въ каждомъ истекшемъ мѣсяцѣ производится перваго числа слѣдующаго мѣсяца, *по наличному числу учениковъ*, то есть, если, напримѣръ, перваго апрѣля, при уплатѣ подрядчику за продовольствіе въ мартѣ, въ общей квартирѣ было на лицо только десять учениковъ, то подрядчикъ получалъ только

за продовольствіе десяти, хотя бы, въ теченіи марта, продовольствоваль и двѣсти. Условіе это оказалось въ этомъ учебномъ году очень выгоднымъ для заведенія, потому что не только перваго января, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Рождества Христова, въ общей квартирѣ не имѣлось на лицо ни одного ученика, и слѣдовательно подрядчикъ ничего не получилъ за продовольствіе въ декабрѣ; но также и перваго апрѣля, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Христова Воскресенія. Обстоятельство это, непредвидѣнное подрядчикомъ, дотога разстроило его денежные средства, что онъ дождался только перваго мая, чтобы получить деньги за продовольствіе въ апрѣлѣ и, затѣмъ, ночью, съ перваго на второе мая, тайно бѣжалъ, о чемъ дежурный надзиратель и не упустилъ своевременно донести господину директору.

Хотя, по произведенному осмотру, въ анбарахъ и кладовыхъ общихъ ученическихъ квартиръ не оказалось никакихъ запасовъ; однако смѣю увѣрить Ваше Высокородіе, что внезапное бѣгство подрядчика не имѣло никакого вліянія на твердый у насъ порядокъ ученическаго продовольствія, за исключеніемъ только того, что втораго мая, то есть на другой день послѣ бѣгства подрядчика, ученики остались безъ завтрака; но въ замѣнъ онаго данъ былъ имъ неположенный по росписанію полдникъ. Съ третьяго числа сего мая, впродъ до приисканія благонадежнаго подрядчика, въ завѣдываніе продовольственной частью вступилъ надзиратель Цаповскій. Если до Его Превосходительства, Кузьмы Демьяновича, дошли жалобы на счетъ продовольствія пищею воспитанниковъ общихъ квартиръ татаровской гимназій, то это слѣдуетъ приписать извѣстной нерасположенности жителей сего края къ общимъ квартирамъ.

Что касается до печальнаго происшествія 20 мая, то я уже имѣлъ честь донести объ ономъ Вашему Высокородію по эстафетѣ, отъ 22 мая.

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года, заведеніе наше удостоилось посѣщенія его высокопревосходительства, г. корпуснаго начальника 15-го кавалерійскаго корпуса. Его высокопревосходительство изволило остаться вполне довольны, въ чемъ Ваше Высокородіе можете убѣдиться изъ письма надзирателя Михайлова къ его женѣ, которое при семъ честь имѣю приложить. Письмо это было вручено мнѣ, для отсылки на почту, вмѣстѣ съ гимназическою корреспонденціею, но оказалось не

запечатаннымъ. Такъ какъ въ немъ не заключалось ничего особенно интереснаго для г-жи Михайловой, то я позволилъ себѣ удержаться, для представленія Вашему Высокородію.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть

Вашего Высокородія

всепокорнѣйшій слуга

Иванъ Линейкинъ.

№ 14. *Письмо надзирателя Михайлова къ жень.*

Извини, мать моя, Анна Семеновна, некогда мнѣ было переписываться съ тобою: ждали смотра его высокопревосходительства господина корпуснаго командира 15 легкаго кавалерійскаго корпуса; повозились довольно, зато представили заведеніе въ полной парадной формѣ.

И у насъ не безъ грѣха. Къ концу учебнаго года въ нѣкихъ мѣстахъ обвалилась штукатурка, въ нѣкихъ полъ прогнилъ отъ сырости. Все это было прикрито, такъ сказать, нашею собственною грудью. Возлѣ печки стоялъ надзиратель Тропаревичъ и прикрывалъ своимъ корпусомъ вывалившіяся зимою печныя дверцы; черпильное пятно на стѣнѣ въ учебной комнатѣ находилось подъ прикрытіемъ надзирателя Кондаковского; у самого входа въ общую квартиру, гдѣ прогнилъ полъ, былъ постъ твоего благовѣрнаго; прочіе чиновники были разставлены въ прочихъ неприличныхъ мѣстахъ. Его Высокопревосходительство изволили найти заведеніе въ отличномъ состояніи и благодарили господина директора; замѣтили только на счетъ ученическаго ранжира, о чемъ я всегда говорилъ господину директору.

Съ нѣкотораго времени у насъ неладно: ученики заводятъ свою сумбуринацію; мѣсяца два назадъ, одного исключили, теперь другой накуролесилъ. Я, слава Богу, здоровъ, чего и тебѣ желаю.

№ 15. *Отъ надзирателя крюкославской гимназіи, Архикарманскаго, къ надзирателю татаровской гимназіи, Цаповскому.*

Позвольте, многоуважаемый Амфилохій Аввакумовичъ, по старому знакомству, просить Вашего ходатайства у господина директора татаровской гимназіи о перемѣщеніи моемъ изъ крюкославской гимназіи

въ татаровскую. Не безызвѣстно, вѣроятно, Вамъ, что у насъ вос-
послѣдовала перемѣна въ начальствѣ. Господинъ новый директоръ
фонъ—Лобенбрехъ, въ противность видамъ своего предмѣстника, явно
выражаетъ свое неудовольствіе мною. Между учителями завелъ бут-
терброды ⁽¹⁾; но меня, равно и писемоводителя съ бухгалтеромъ, въ
оныя не пригласилъ. Злые языки донесли ему на меня, что я буд-
тобы обманывалъ господина бывшего директора, при дѣлежѣ денегъ,
собираемыхъ съ родителей за, якобы, незаконную переправку шаровъ
и переводы въ высшій классъ. По наущенію тѣхъ же недоброжела-
телей, господинъ фонъ—Лобенбрехъ возобновилъ дѣло объ оскорбленіи,
нанесенномъ въ моемъ лицѣ надзирательскому званію. Словомъ, вся-
чески тѣснить меня и прочитъ на мое мѣсто родственника здѣшняго
аптекаря, Цулобенбреха, въ которомъ принимаетъ участіе родствен-
никъ господина директора, статскій совѣтникъ, Лобенанбрехъ, по ре-
комендаціи ихъ общаго сродника, его превосходительства Ивана Ива-
новича Анцулобенбреха. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ, я рѣ-
шился перемѣститься изъ крюкославской гимназіи, гдѣ новый началь-
никъ заводитъ новые порядки, въ татаровскую, подъ крыло его вы-
сокородія, Спиридона Павловича. Не откажите, достопочтѣннѣйшій Ам-
филохій Аввакумовичъ, оказать мнѣ въ семъ случаѣ свое ходатайство,
за что, по мѣрѣ силъ моихъ, постараюсь благодарить Васъ.

*№ 16. Отъ адвоката Загоновскаго къ поселившемуся въ
Татаровкѣ, бывшему адвокату Пржепірковскому.*

Прежде всего, любезный, снѣшу сообщить тебѣ новость, новость
важную, радостную, новость, дѣйствіе которой на нашу братію шлях-
ту можетъ сравниться развѣ съ дѣйствіемъ, произведеннымъ нѣкогда
на народъ библейскій новостью о торжествѣ Мардохея надъ Аманомъ.
Если ты еще не совершенно позабылъ священную исторію, то знаешь,
кто былъ Аманъ и какія были его отношенія къ народу библейскому;
если же наука ксеендзовъ шаровъ уже испарилась изъ твоей головы,
то по крайней мѣрѣ имѣешь понятіе о той необыкновенной радости,

⁽¹⁾ Подъ именемъ буттербродовъ надзиратель Архикарманскій разумѣетъ,
вѣроятно, ученыя вечера, заведенные директоромъ крюкславской гимназіи,
на которыхъ подавалась умѣренная закуска, сообщившая свое названіе и са-
мымъ вечерамъ. *Примѣчаніе издателя.*

которую обнаруживают наши евреи, во время *пурима*, и которую ты ежегодно имѣешь удовольствіе читать на лицахъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ твоихъ знакомыхъ, не забывающихъ, надѣюсь, поздравить тебя съ пуримомъ и при этомъ поднести тебѣ вкусныя амановы уши ⁽¹⁾. Боюсь, что всѣ вы, сколько васъ ни есть въ Татаровкѣ, затѣете своего рода пуримъ, когда узнаете счастливое событіе, послѣдовавшее 22 іюля сего года за № 777; боюсь, что, отъ частыхъ тостовъ, у Лафура не станетъ въ погребѣ шампанскаго, а у васъ, отъ крику и толковъ, изѣкнутся языки; боюсь, что вы насадите всѣхъ лошадей вашихъ, разсылая гонцовъ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ извѣстіемъ о радостномъ событіи; боюсь, что, желая сдѣлать участниками въ общей радости и дѣтей вашихъ, вы позволите имъ цѣлую недѣлю не ходить въ классъ; боюсь, что, вдавнившись въ соображенія о связи этого важнаго событія съ политикою европейскихъ кабинетовъ вы зафантазируетесь и, пожалуй, потеряете должное уваженіе къ вашему исправнику. Тогда мнѣ же бѣда: бѣгай и хлопочи у центральныхъ властей о переводѣ вашихъ дѣтей въ слѣдующіе классы, или о примиреніи васъ съ исправникомъ.

Но, быть-можетъ, вы знаете уже эту несравненную новость, отъ 22 іюля сего года за № 777? Быть-можетъ, на этой недѣлѣ, въ Татаровкѣ, случилось землетрясеніе, на крюкославскомъ горизонтѣ являлись необычайныя небесныя знаменія; быть можетъ, у васъ ручьи потекли вспять, и оба татаровскіе пруда, выступивъ изъ береговъ, затопили обѣ татаровскія мельницы; быть можетъ, съ 21 на 22 іюля татаровскія курицы пѣли пѣтухами или чья-нибудь гончая сука родила щенка съ заячьимъ хвостомъ? Умы татаровскихъ политиковъ, настроенные этими необыкновенными явленіями къ ожиданію столь же необыкновенныхъ событій, быть-можетъ, уже смекнули въ чемъ дѣло; жидовская почта, не уступающая въ быстротѣ соображеніямъ татаровскихъ политиковъ, быть-можетъ, уже успѣла дополнить положительными извѣстіями смутныя гаданія политиковъ, и вы уже знаете, что 22 іюля сего года за № 777.... Однако, любезный другъ, если ты еще не знаешь никакой необыкновенной новости, превосходящей все то, на что, въ дѣлѣ новостей, можетъ рѣшиться изобрѣтатель-

(1) Амановыми ушами называются здѣсь пряники, которые Евреи рассылаютъ другъ другу и христіанамъ, поздравляя съ пуримомъ — праздникомъ, учрежденнымъ въ память гибели Амана. *Примѣчаніе издателя.*

ный умъ панны Кунигунды, то не мѣшаетъ предупредить тебя, чтобы ты приготовился услышать вещь, которая, если ее сказать тебѣ безъ приготовленія, можетъ слишкомъ поразить тебя, разстронить нервы. Смотри, когда узнаешь эту необыкновенную новость, не растеряйся, торопясь сообщить ее другимъ, не выбѣги изъ дому безъ шляпы или безъ чего другаго.

И такъ слушай. Распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777—еще разъ, любезный другъ, предупреждаю тебя, приготовься услышать вещь необыкновенную—распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777, его превосходительство, господинъ главный начальникъ, Кузьма Демяновичъ. получилъ другое назначеніе. Быть-можетъ, съ разу ты не понялъ всего значенія этихъ словъ: «получилъ другое назначеніе,» быть-можетъ, еще боишься понимать. «Получилъ другое назначеніе» значитъ, что Кузьма Демяновичъ уже не нашъ начальникъ, что на его мѣсто назначенъ къ намъ другой. Чтобы довершить вашу радость, спѣшу увѣдомить васъ, что на мѣсто Кузьмы Демяновича назначенъ къ намъ графъ, намъ старый знакомый. Во всемъ образованномъ мірѣ, гдѣ только извѣстны почтенныя званія судей, адвокатовъ и вообще чиновниковъ, благодѣтели и мудрость законовъ, сами по себѣ, а злость и глупость ихъ исполнителей сати по себѣ; изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ образованномъ мірѣ характеръ управления во многомъ зависитъ отъ личности главнаго мѣстнаго начальника, а изъ сего непосредственно вытекаетъ, что назначеніе къ намъ графа, мы должны считать истиннымъ для себя благодѣяніемъ. — — — — —

Что касается перевода дѣтей твоихъ въ слѣдующій классъ, то, не смотря на всѣ старанія, я не могъ устроить этого дѣла канцелярскимъ порядкомъ. У старшаго твоего сына четыре единицы, у младшаго пять; у обоихъ въ среднемъ выводѣ $1\frac{2}{3}$. Эти математическія выраженія, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, значать, что сыновья твои ничего не знаютъ. Развѣ представишь медицинское свидѣтельство, въ которомъ должно быть выражено, что дѣти твои были больны именно во время производства годовичныхъ испытаній, и будешь просить о допущеніи ихъ къ перенесытанію. Только, въ такомъ случаѣ, прежде всего надо позаботиться на мѣстѣ, чтобы перенесытаніе было удачнѣе испытанія.

Если ты имѣлъ терпѣніе дочитать мое писъмо и не побѣжалъ еще разгласить по мѣстечку новость отъ 22 іюля сего года за № 777,

то смотри, повторяю, не выбѣги безъ иллы и вообще сохрани должную умѣренность. Помни этотъ совѣтъ и не забывай твоего искреннаго друга.

№ 17. Отъ Софїи Строинской къ гувернанткѣ почетнаго попечителя, Констанціи Подлинской.

Ты знаешь, безцѣнная Констанція, и мои чувства, и мои убѣжденія: скажи, посоветуй, что мнѣ дѣлать? Я растерялась, сердце съ головой въ разладѣ; совѣты близкихъ мнѣ такъ пристрастны; людскіе толки такъ противорѣчивы. Какъ мнѣ отвѣтить Тропову: да или нѣтъ? Сказавши *да*, не измѣню ли я другимъ моимъ обязанностямъ? Тетуска Щупальская сначала сама старалась сблизить меня съ Троповымъ, теперь перешла на сторону корнета Раца, бывшаго ученика здѣшней гимназїи, которому, кажется, я нравлюсь и который еще болѣе нравится тетускѣ. Еслибы не различіе вѣры, я не колебалась бы соединить судьбу мою съ судьбою Тропова. Я сама дочь учителя и съ дѣтства привыкла къ той скромной жизни, которая можетъ ожидать меня, какъ жену учителя. Другъ безцѣнный, уничтожь мои сомнѣнія, успокой меня, скажи что дѣлать мнѣ?

№ 18. Отъ Констанціи Подлинской къ Софїи Строинской.

Ты избрала, дорогая Соня, судью не безпристрастнаго. Помнишь, года два тому назадъ, я сама была въ твоёмъ положенїи, сама испытывала твою борьбу, твои сомнѣнія. Въ то время и мнѣ внушали, что я не вправѣ сказать—да, и однако потомъ, когда я сказала—нѣтъ, сами же меня осудили, назвали легкомысленной, кокеткой. Вѣрь мнѣ, дорогой другъ, лучший судья въ этомъ дѣлѣ—собственное сердце. Голосъ его неподкупенъ. Вотъ скоро три года, какъ каждый день мое бѣдное сердце спрашиваетъ меня, кто далъ мнѣ право пожертвовать его чувствами для людскихъ понятій. И кто знаетъ, справедливы ли эти понятія. Вѣдь Богъ одинъ. Что думаю—я сказала; что дѣлать тебѣ—рѣши сама.

О корнетѣ Рацѣ замѣть слѣдующее: часть его эскадрона размѣ-

щена по квартирамъ въ нашей деревнѣ, и онъ часто у насъ бываетъ. Если меня не обманываетъ мой женскій инстинктъ, онъ очень равнодушенъ къ старшей дочери господина попечителя и еще болѣе, какъ кажется, къ ея приданному. Но—*za wysokie progi na jego nogi* (высокъ порогъ для его ногъ.)

№ 19. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю носачевской гимназіи, Наивному.*

Изъ письма твоего, Иванъ Андреевичъ, вижу, что и у васъ, въ административныхъ сферахъ, тѣже тенденціи, таже заботливая опека; вся разница въ тенденціяхъ опекаемыхъ. Вами овладѣлъ духъ высшихъ социальныхъ теорій и стремленіе къ уясненію міровыхъ общественныхъ вопросовъ; у насъ, напротивъ, преобладаютъ мѣстные интересы, а общегуманные отодвинуты на второй планъ. Вы вѣруете въ обновленіе человѣческаго рода, по рецептамъ Прудона; на Ламартина смотрите, какъ на пророка новой политической жизни; вы съ сердечнымъ трепетомъ читаете листочки иностранной газеты и, съ каждымъ новымъ номеромъ, ждете извѣстія о благополучномъ наступленіи вѣка фаланстерскаго блаженства, чаяніе коего не прекращалось въ родѣ человѣческомъ, со временъ грѣхопаденія до дней господина Фурье. Блаженъ, кто вѣруетъ. Оно, разумѣется, пріятно, благоденствуя подъ кровомъ носачевской гимназіи, мысленно отправиться, вмѣстѣ съ мосье Жакомъ, *à la recherche de la meilleure des républiques*; жаль только, что подобное препровожденіе времени порождаетъ въ васъ превратные, по моему мнѣнію, вкусы и понятія. Пожалуй, нѣкоторое причастіе массъ къ благамъ міра сего или эманципация прекраснаго пола, при ограниченности учительскаго жалованья, вещи хорошія и, если хочешь, вещи въ порядкѣ вещей; но зачѣмъ, напримѣръ, вслѣдствіе тревоги по дѣламъ общественнымъ, у васъ объявлено, на военномъ положеніи, и искусство? Ты говоришь, что въ нашъ вѣкъ искусство—не игрушка празднаго воображенія, а мощный двигатель общественный; что, поэтому, и художественное достоинство произведеній искусства болѣе всего зависитъ отъ прогрессивности ихъ содержанія. Не спорю, во всѣ времена, начиная отъ вѣка царя Викромадити и поэта Калидасы до вѣка императора Августа и Виргилія и отъ сихъ послѣднихъ до Людовика XIV и Расина, поэты всегда обнаруживали

нѣкоторое поползновеніе къ облизыванію чужихъ блюдъ; однако и вѣкъ Кромвелей имѣлъ своихъ Мильтоновъ, и во времена Аристофана, Данте, Шекспира, Кальдерона, людямъ не чужды были общественные вопросы. Не правильнѣ ли поэтому было бы сказать, что вѣкъ величія гражданскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкъ поэзіи; что упадокъ искусства—вѣрный признакъ упадка всей духовной жизни; что посредственности чужда безкорыстная любовь къ искусству, не потому, однако, что посредственность призвана къ разрѣшенію важныхъ общественныхъ вопросовъ, а потому, что она посредственность.

Ваши общественные вопросы, о которыхъ, увы! общество и не знаетъ, сбили съ толку даровитѣйшаго романиста нашего времени и заставили его писать окружныя посланія о присылкѣ ему общепользныхъ и душевспасительныхъ поэтическихъ данныхъ; благодаря тѣмъ же общественнымъ вопросамъ, у васъ прослыли великими поэтами люди, которыхъ стихъ, вѣроятно, мучимый демономъ общественныхъ вопросовъ, производитъ эффектъ лѣсопильного завода. Но у всякаго свой вкусъ или, пожалуй, свое безвкусіе.

Твоя повелла, о любовныхъ похожденияхъ вновь назначеннаго къ вамъ инспектора, очень интересна. Чтобы не остаться у тебя въ долгу, сообщу тебѣ нѣсколько татаровскихъ новостей.

Тотъ самый вопросъ, который вашъ инспекторъ, рискуя спиною, пытался разрѣшить эманципированнымъ способомъ, у насъ учитель Троповъ разрѣшилъ на законномъ основаніи, по старому заведенному порядку, то есть, по-просту, женился. Бракъ его, какъ бракъ старой школы, не обошелся безъ участія свахи, роль которой, въ настоящемъ случаѣ, разыграла тетюшка невесты, мадамъ Щупальская, одна изъ тѣхъ дамъ, которыхъ средства и общественное положеніе здѣсь очень удачно выражаютъ непереводимой фразой: *na kapitale siedzi, a z procentow zuje*. Она свела, развела и опять свела Тропова съ его дульцинею,

Но интереснѣйшая новость—это назначеніе къ намъ новаго директора; прежній, бѣдняжка, палъ жертвою страстей, возбужденныхъ его же собственнымъ чаемъ и конфетами. Сначала, говорить, предполагали назначить къ намъ Лобенбреха, или, какъ называли его университетскіе сторожа, Лобобрюхова; но потомъ передумали и назначили какого-то господина, который, на своемъ директорскомъ мѣстѣ, находится теперь въ положеніи пирожника, тачающаго сапоги.

Въ сѣрогорскую гимназію назначенъ тоже новый директоръ. Этотъ

последній разсматриваетъ, говорятъ, псовую охоту, какъ средство сближенія школы съ жизнью. Онъ, вѣроятно, полагаетъ, что если чаще будетъ являться въ гимназію въ егерскомъ костюмѣ, нежели въ форменномъ вицъ-мундирѣ, то въ публикѣ и ученикахъ возбудитъ болѣе довѣрія и симпатіи къ себѣ и заведенію, котораго онъ представитель. Къ сожалѣнію, этотъ путь сближенія заведенія съ обществомъ имѣлъ до сихъ поръ влияніе только на распространеніе между учениками кражи гончихъ и лягавыхъ собакъ.

№ 20. *Отъ Эльвиры Щупальской къ Темиръ Гузицкой, въ С. Петербургъ.*

Помнишь ли, дорогая Темира, кievскіе контракты и бердичевскую ярмарку, помнишь ли гусаръ коринфскаго полка и балы графа Буцефала, помнишь ли восторги и увлеченія нашей молодости и твою подругу Эльвию? Какъ все измѣнилось теперь! Тебя счастливый случай привелъ въ Петербургъ, гдѣ твой умъ и красота были оцѣнены по достоинству и доставили тебѣ твое блестящее и независимое положеніе въ обществѣ; я, послѣ смерти нашей благодѣтельницы, принуждена была изъ барскихъ палатъ перейти подъ соломенную крышу моихъ родственниковъ и навсегда остаться въ Татаровкѣ — ничтожномъ мѣстечкѣ. Но и здѣсь жизнь моя прошла не безъ радостей и тревогъ сердечныхъ. Остальные мои годы я рѣшилась посвятить людямъ, съ которыми связана узами родства и дружбы. Недавно племянница моя вышла замужъ за учителя здѣшней гимназіи, Тропова. Боже милостивый! Теперь только я вижу, какое это несчастное учительское сословіе. Есть и умъ, и чувство, и умѣнье найти въ обществѣ, а жалованья не стаетъ и на хлѣбъ насущный; между тѣмъ, здѣсь же какое нибудь чучело, жена становаго пристава, въ бархатѣ и кружевахъ, разъѣзжаетъ себѣ въ коляскѣ. Темира, дорогая Темира! Именемъ нашей прежней дружбы умоляю тебя, сдѣлай что-нибудь для Тропова: доставь ему мѣсто штатнаго смотрителя или инспектора въ одной изъ гимназій здѣшняго учебнаго округа. По твоимъ связямъ въ Петербургѣ и твоему влиянію, ты можешь это сдѣлать. Ты все можешь сдѣлать. *My rządźm światem, a nami kobiety* (мы управляемъ міромъ, а женщины — нами).

Тебѣ только стоить сказать, чтобы написали нѣсколько словъ

въ пользу здѣшняго округа. Только ради Бога, чтобы не переводили его въ другой учебный округъ и въ даже въ другія губерніи здѣшняго округа. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, племянница моя живетъ съ людьми. Суровый сѣверъ не могъ охладить твоего нѣжнаго сердца, и блескъ настоящаго не могъ сдѣлать тебя равнодушною къ воспоминаніямъ прошедшаго; поэтому надѣюсь на твое участіе и съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ сего года, утромъ, лишь только я вошелъ въ инспекторскую, мнѣ дали знать, что татаровскій почтмейстеръ проситъ меня немедленно явиться на почту, по очень экстренному дѣлу. Оставивъ въ инспекторской, для наблюденія за порядкомъ, надзирателя Цановскаго, я поспѣшилъ къ почтмейстеру. Почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ встрѣтилъ меня вопросомъ: что у васъ случилось?—Ничего, сколько мнѣ извѣстно,—отвѣтилъ я.—Какъ—ничего,—возразилъ Иванъ Петровичъ:—изъ-за-чего же эта суматоха: всѣ ваши учителя и чиновники, въ томъ числѣ и вы, вчера сами отправили, а сегодня получили, по нѣскольку писемъ. Это не безъ причины.—Мои письма, Иванъ Петровичъ, самыя обыкновенныя; что же касается другихъ, то, кажется, мы можемъ удостовѣриться.—Мы удостовѣрились, и, къ удивленію нашему, нашли, что во всѣхъ письмахъ говорилось объ одномъ и томъ же, и почти одними и тѣми же словами: именно, во всѣхъ письмахъ заключалось извѣстіе о воспослѣдовавшей перемѣнѣ формы, съ изъясненіемъ особеннаго удовольствія, по поводу форменныхъ сюртуковъ.

№ 21. *Отъ учителя носачевской гимназіи, Наивнаго, къ учителю татаровской гимназіи, Трезвому.*

Состояніе педагогич. и социальное положеніе инструктирующаго корпуса—это два коррелата, которыхъ прогрессъ составляетъ постулатъ разумаго развитія общественнаго организма. Гдѣ нѣтъ конкуренціи, гдѣ педагогія является въ видѣ монополіи лица нравственнаго или физическаго, тамъ положеніе педагоговъ должно быть гарантировано по крайней мѣрѣ привиллегією. При отсутствіи конкуренціи и безъ атрагирующей силы привиллегіи, монополія можетъ парализовать интеллекту-

альную дѣятельность, поставленную въ условіе отъ субъективности дѣятелей. Только люди теоріи и доктрины, съ заднею мыслію обскурантизма, могутъ оспаривать универсальность этого принципа. Ясно, количество гонорава составляетъ главный элементъ педагогической привилегіи, поэтому и главный нервъ педагогической дѣятельности. Движеніе прогрессивныхъ идей, такъ побѣдоносно заявившихъ въ наше время свою экспансивную силу, коснулось и этого капитальнаго педагогическаго вопроса. Говорятъ, вопросъ этотъ первоначально былъ поднятъ на периферіи административнаго центра, но, энергически промовированный, теперь достигъ окончательнаго фазы своего развитія. Кому бы впрочемъ ни принадлежала честь инициативы, громадное значеніе самого вопроса въ всякого сомнѣнія. Оптимисты наши поднимаютъ проектированный гонораръ до непривычной цыфры; пессимисты выставляютъ фантомъ бюрократической развязки; умѣренные боятся, чтобы экстрема предъявленныхъ требованій не произвела конфликта, могущаго рефлектироваться ретрограднымъ рѣшеніемъ вопроса. Я полагаю, что переставивъ этотъ вопросъ изъ сферы гвернаментальной въ сферу общественную, то-есть, признавъ въ рѣшеніи его компетентнымъ судьей само общество, можно достигнуть болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Разумѣется, было бы слишкомъ поспѣшно доводить автономію общества до предѣловъ супрематіи; но согласись, одно неполное пониманіе общественныхъ интересовъ и обязанностей можетъ назначать обществу въ этомъ случаѣ только пассивную роль. Очевидно, стоитъ перевести раціонально-опредѣленную плату за ученіе въ общественное сознаніе, и вопросъ разрѣшится самъ собою. Здѣсь неумѣстны ни скрупулы рутинистовъ, которыхъ идеаль въ прошедшемъ, ни обидная апатія скептиковъ, отрицающихъ всякій идеаль и унижающихъ общественные инстинкты. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо отказаться отъ всякой нивелирующей нормы и допустить нѣкоторую децентрализацию соціальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ по условіямъ жизни исторической и изолирующихся по условіямъ административнаго прогресса. Въ противномъ случаѣ, тенденціи привилегированнаго меньшинства могутъ измѣнить назначеніе ценза непривилегированной массы. Какъ бы то ни было, несостоятельность прежней системы очевидна, и реформа должна быть произведена какъ можно скорѣе и на возможно широкихъ основаніяхъ: пребываніе *in statu quo* угрожаетъ обязаннымъ дѣателямъ всѣми бѣдствіями пауперизма. Не можешь вообразить, какую жалкую роль

играть наши педагоги въ здѣшнемъ обществѣ, въ которомъ, вопреки даже примитивной мудрости пословицъ, по платю не только встрѣчаютъ, но и провожаютъ. Особенно печальна участь тѣхъ педагоговъ, которые, по своей вульгарной непредусмотрительности, позволили себѣ жениться.

№ 22. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю носачевской гимназіи, Наизову.*

Письмо твое, любезный Иванъ Андреевичъ, я получилъ, но, извини, не поручусь, что безошибочно понималъ, о чемъ ты въ немъ говоришь и что хочешь сказать. По прочтеніи твоего письма, я сталъ ясно понимать только одно—сказаніе о смѣшеніи языковъ во времена вавилонскаго столпотворенія. Пойми меня, любезный другъ, и прости мнѣ мою откровенность: я упрекаю тебя не въ неумѣніи выразиться, а въ злоупотребленіи таланта выражаться. Я всегда признавалъ и цѣнилъ въ тебѣ дарованіе складно говорить и писать, отдаю и теперь полную справедливость твоему искусству владѣть перомъ на всѣ манеры и только не вижу ничего хорошаго въ томъ манерѣ, которымъ ты теперь вздумалъ выражаться. По самому точному счету письмо твое состоитъ изъ двухъ третей словъ иностранныхъ и только изъ одной трети русскихъ. Но болѣе всего меня удивило то, что твои иностранныя выраженія показались мнѣ удобопонятнѣе употребленныхъ тобою выраженій отечественныхъ. При пособіи словарей и ученой терминологіи, насколько она мнѣ извѣстна изъ разныхъ наукъ и художествъ, я разобралъ смыслъ твоихъ коррелятовъ съ постулатами, социальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ въ центрѣ и изолирующихся на периферіи; но какой точный смыслъ твоихъ нравственныхъ и физическихъ лицъ съ задними мыслями, что значать поднятые и переставленные вопросы, заявленные (какъ вескеля) идеи, несостоятельные (какъ должники) системы,—рѣшить не берусь ни на широкихъ, ни на узкихъ основаніяхъ. Спасибо, братъ, зато, что въ письмѣ своемъ ты разставилъ, какъ часовыхъ, оберегающихъ общественное спокойствіе, слова: ясно, очевидно, разумѣется. Безъ успокоительной силы этихъ ободряющихъ откликовъ, мною могла овладѣть мрачная мысль, что—либо въ моей головѣ не все благополучно,—либо въ твоей.

Скажи, сдѣлай милость, Иванъ Андреевичъ, навѣиъ какого демона ты вдругъ заговорилъ такимъ тарабарскимъ языкомъ, съ какихъ поръ и вслѣдствіе чего приключился съ тобою этотъ грамматическій переворотъ? Не лишній ли аршинъ содержанія, прибавленный къ формѣ, такъ подѣйствовалъ на тебя? Ты жестоко, любезный другъ, ошибаешься, если движеніе бумаги и типографскихъ станковъ принимаешь за движеніе идей. Видѣли мы уже не разъ это словесное движеніе и знаемъ его результаты. Было время, когда не только всѣ саардамскія и амстердамскія слова двинулись на русскую землю, но и самыя православныя имена передѣлывались на амстердамскій манеръ; и, однако, вся эта этимологическая революція не одолѣла нашей природной грамматической конструкции. Напрасно ожидаешь ты какихъ-то особенныхъ результатовъ и отъ современнаго словеснаго движенія; напрасно въ явленіяхъ его усматриваешь какой-то особенно-знаменательный смыслъ. Другъ ты мой милый, это не прогрессъ, а только ремонтъ, и притомъ ремонтъ, не выходящій изъ смѣтныхъ суммъ, положенныхъ на содержаніе такъ-называемаго общественнаго организма. Слыхалъ я, что, вмѣстѣ съ новыми идеями, появляются и новыя слова, но въ этомъ случаѣ, полагаю, честь инициативы принадлежить не словамъ, а идеямъ. Правда, русскій человѣкъ мастеръ говорить одно, а думать другое,—умѣетъ, въ случаѣ нужды, наборомъ глухихъ словъ и выраженій прикрыть прехитрую работу ума. Это особая риторическая фигура національнаго краснорѣчія, о которой не упоминается въ твоёмъ руководствѣ, составленномъ по образцамъ иноземнымъ. Но не пора ли уже отстать намъ отъ этого литературнаго лукавства? Къ чему оно? Публика, располагающая обстоятельствами, отъ другихъ независящими, очень хорошо понимаетъ, что упражненія въ краснорѣчіи на языкѣ временъ смѣшенія языковъ такъ же неопасны, какъ и томы нѣкоторыхъ книгъ, покоящіяся на полкахъ университетскихъ библіотекъ, для поддержанія бодрости духа посвященныхъ. Но, быть можетъ, ты только желаешь попасть въ присяжные ораторы этого краснорѣчія, которое, какъ свѣтъ, выставляется на удивленіе Европы,—какъ мракъ, годится и для домашняго обихода? Это другое дѣло. Но, въ такомъ случаѣ, не совѣтую тебѣ пускаться въ перестановки вопросовъ изъ центра на периферію, а смѣло и рѣшительно сосредоточиться въ центрѣ.

Если не ошибаюсь, въ письмѣ своемъ ты говоришь о предполагаемой прибавкѣ жалованья. Дай Богъ, чтобы это случилось, какъ

можно скорѣе. Чтоже касается твоихъ собственныхъ предположеній объ обращеніи суммы за ученіе исключительно въ пользу учителей, то предположенія эти я считаю несбыточною мечтою. Всѣ суммы, названія которыхъ ты знаешь изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, представляютъ, говоря твоимъ языкомъ, номинальную модификацію суммы государственнаго казначейства; одна эта сумма имѣетъ объективную реальность и то только вѣрно, что будетъ отпущено намъ изъ этого источника.

При случаѣ, пришли мнѣ неводокъ и хорошую складную удочку, со всѣми къ ней принадлежностями, о которыхъ распроси у Афанасія Ивановича Кудого. Въ здѣшнихъ мѣстахъ усовершенствованы средства только для ловли жениховъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Логика школы Кузьмы Демьяновича была непоколебима, риторика — сильна, философскія начала этой школы внушались намъ, подъ руководствомъ Спиридоновъ Павловичей и Архиповъ Спсоевичей, съ должнымъ настояніемъ; и, однако, опытъ показалъ, что дѣйствіе ихъ на наши умы было довольно слабо и поверхностно. Лишь только новое начальство посмотрѣло на воспитаніе съ другой точки зрѣнія и послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ учебной администраціи, какъ все гимназическое сословіе, даже въ своей частной корреспонденціи, заговорило на другой ладъ и, сказать правду, заговорило на этотъ новый ладъ съ большимъ убѣжденіемъ и достоинствомъ, какъ будтобы весь вѣкъ свой училось думать и говорить въ школѣ какого-нибудь парламентарскаго лорда, а не въ школѣ Кузьмы Демьяновича. Гимназическую переписку, относящуюся къ этому послѣднему времени, я намѣренъ издать особо.

И. Липейкинъ.